

ИРМАТА АРЪЯР

ЛЮБОВЬ
и КОРОНА
книга 2
• ЛОРДЫ ГОР •

16+

Лорды гор

Ирмата Арьяр

**Любовь и корона.
Книга 2. Любовь и лёд**

«Автор»

2022

Арьяр И.

Любовь и корона. Книга 2. Любовь и лёд / И. Арьяр — «Автор», 2022 — (Лорды гор)

Близится самый страшный день в жизни принцессы Виолетты — брак с ненавистным императором Севера, чудовищем с ледяным сердцем. Что может противопоставить нежная «гардарунтская роза», как прозвали принцессу менестрели, могущественному северному магу? Она просто человек с горячей кровью и смелой душой. Она обречена на гибель, если не вмешается чудо... или ее избранник, дерзнувший восстать против самого владыки Севера.

Содержание

Глава 1. Подарок	5
Глава 2. Урок для Фиалки	12
Глава 3. Минус один из трех	20
Глава 4. Тайна Алэра	28
Глава 5. Сладкий лик моноголикого	35
Глава 6. О подменах	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирмата Арьяр

Любовь и корона. Книга 2. Любовь и лёд

Глава 1. Подарок

В покоях принцессы Виолетты стены заledenели изнутри, невзирая на раскаленные угли в жаровнях и пышущий жаром камин. Искрящиеся узоры выглядели как хищные птицы с острыми зубами на клювах. Император Севера показывал свой гнев. Показывал, что ничто не спасет его невесту, если она не покорится его воле.

Так стоит ли сопротивляться?

Летта запахнула поплотнее рысью шубу, накинутую на плечи, погрузила пальцы в мягкий мех. Подарок молодого горного мага, ее телохранителя, защищал от холода лучше жаровни. Ей показалось, что волоски меха чуть светятся. Или это играли, отражаясь, небесные сполохи?

Этой ночью ласхи устроили феерию, отмечая помолвку своего императора. Радужные сияния разливались на полнеба, играли, рисуя сверкающих коней и небесные сады, свивались в живые узоры, непрерывно меняющиеся, словно по приказу божественного дирижера. Северная ночь убийственна для смертных. Но и прекрасна.

Виолетта сидела в кресле у окна, любуясь в небесах сияющим рисунком зримой речи, из которой не понимала ни слова. Но не могла отвести глаз, пока не продрогла.

– Ваше высочество, вам нужно поспать, чтобы утром, хотя и, конечно, весьма условным в полярную ночь, выглядеть достойно, – напомнила принцессе ее камер-фрейлина, леди Исабель.

Обе фрейлины, Исабель и Эбигайл, спали тут же, хотя им была отведена отдельная комната. Но в покоях госпожи царил такой адский холод, что дамы объединились, невзирая на статусы, перетаскивали жаровни и сдвинули диван и софу поближе к ложу принцессы.

– Да, Исабель, – кивнула Виолетта. И горько усмехнулась: – Марцела так и не вернулась.

– Нет, госпожа.

Третья фрейлина, сопровождавшая невесту из отчего дома к жениху, леди Марцела, после бегства госпожи с торжественного ужина в честь помолвки осталась сидеть на коленях императора.

Большее унижение Виолетте трудно было представить, но она уже не сомневалась, что мстительный владыка Севера придумает для нее еще что-нибудь.

И все из-за ее просьбы почтить память короля Роберта, ее погибшего отца. Просьбы соблюсти вековые традиции и отложить свадьбу на время ее траура. Разве она много просила? Какой-то год! Всего лишь год.

И теперь Виолетта задумалась: а куда так торопится император Алэр? Насильно ее взять в жены он не может – договор заключен магический. Но упрямство невесты его так взбесило, что Алэр решил принудить ее так или иначе. И свой шантаж начал с соблазнения леди Марцелы. Мол, раз Виолетта отказалась ускорить свадьбу, то греть его постель будет ее фрейлина.

Девушка стиснула кулаки, чувствуя, что бессильный гнев мешает ей дышать.

Надо поспать. Надо быть на высоте и не позволить могущественному мерзавцу и его своре смеяться над ней. Над ее заплаканными глазами и опухшим лицом, над хлюпающим носом шестой дочери короля Роберта.

Но, когда сияния и фейерверки угасли, возвращая черному бархату неба звездный блеск, а по дворцу и над северной столицей пролетел мелодичный хрустальный звон, оповещавший о начале дня, Виолетта все еще не сомкнула глаз.

* * *

Не спала и леди Исабель, сквозь ресницы наблюдая за императорской невестой, чей безукоризненно красивый профиль с точеным носом и округлым высоким лбом выделялся на фоне мерцающих сполохов окна.

Мало ли... Полновесная магическая клятва, взятая с фрейлины королем Робертом, заставляла быть втройне бдительной, пока шестая дочь Роберта не родит, а ее ребенок не получит огненное благословение от брата, унаследовавшего трон и магию.

Ах, если бы не клятва, если бы король, этот проклятый рыжий бык, не проявил неожиданную прозорливость в самый последний момент! Наверняка ему кто-то подсказал, науськал. И этот пронизывающий «кто-то» не может быть никем иным, как вейриэном, наставником принца Лэйрина.

Черноглазый и холоднокровный красавец Рагар – вот кто виновен в том, что утонченная дочь герцога Лескара теперь в полном смысле слова прозябает на краю земли, где одна ночь длится полгода!

Исабель вспомнила холодный и острый, как лезвие ножа, взгляд вейриэна, перехватившего ее у дверей в покои принца Лэйрина. И всю ту безобразную сцену вспомнила, и снова содрогнулась от ужаса.

Она в тот вечер принесла принцу записку от принцессы Виолы и решила воспользоваться шансом, сделать шаг по пути, который ей пророчила старая бабка-шаманка и ее родной отец, который спал и видел на голове его единственной дочери королевскую корону. Получить ее был лишь один довольно простой путь – влюбить в себя юного принца Лэйрина и выйти за него замуж.

Все другие короны мира охранялись традициями престолонаследия или к ним невозможно было пробраться чужачке с шаунской кровью и магией.

У самих шаунов женщины не допускались к прямой власти, а быть первой госпожой гарема и всю жизнь провести в дрязгах и змеиных интригах – не та участь, о которой мечталось умнице Исабель.

У союзных шаунам зеленых магов при всем их многообразии имелась неизменная традиция – трон наследовали только дети с инсейской магией.

Аринты... У них княгиня мало чем отличалась от служанки. Женщина обязана вести дом и хозяйство, пусть это и дворец, готовить супругу самолично утреннюю кашу, следить за детьми и защищать их с мечом, если понадобится. Исабель не представляла себя ни с мечом, ни с поварешкой.

Северные маги – вековые враги шаунов. Да и о трехсотлетнем императоре умница Исабель уже была наслышана и прекрасно понимала, что ей не по зубам ни этот во всех смыслах отмороженный маг, ни его дети. Да и какой смысл, если страдавший паранойей император Алэр имел дурную привычку казнить наследников по мере их приближения к заветной короне?

А в Белогорье королевой может стать только горная ведьма – риэнна. Они и своих-то женщин не торопились возводить на пустовавший полтора века трон.

И что остается в мире?

Только небольшое, слабое, но очень выгодно расположенное королевство Гардарунт и единственный наследник, кронпринц Лэйрин. И что с того, что мальчишка на четыре года младше честолубивой южанки и знать не знает о ее существовании?

Узнает.

Влюбится.

Женится.

Исабель красива, знатна, умна и осторожна. Она – маг. Она знает некоторые южные тайны и поможет в переговорах с шаунами. Она знает все секреты гардарунтского двора и станет идеальной опорой горному дикарю. Кто еще, как не она?

А став королевой, она осуществит мечту тайных покровителей ее семьи, да и всех шаунов – вернет желтому пламени оккупированные огненными королями земли. И весь Гардарунт впридачу, вплоть до Белых гор. А если вспомнить, что и сами Белые горы формально еще в составе королевства, то откроются совсем головокружительные перспективы... О, Исабель оставит свое имя в веках, ее будут помнить и боготворить, пока горит в шаунских очагах желтое пламя!

К гардарунтской короне юная Исабель начала восхождение загодя, в пятнадцать лет, когда еще и самого кронпринца не было в Найреосе, отсиживался в далеких горах. Но ни мудрейший отец южной красавицы, ни бабка-шаманка, ни сама девушка не сомневались: принц вернется в Найреос и получит корону из огненных, но сильно ослабевших рук Роберта.

Он и вернулся.

Вот только недолго радовалась Исабель. И даже не успела начать на мальчишку настоящую охоту, как двадцатилетнюю герцогскую дочь в принудительном порядке назначили камерфрейлиной Виолетты, невесты северного императора, и выпроводили из Гардарунта в бездушные северные льды.

Только потому выпроводили, что вейриэну Рагару не понравился взгляд Исабель, искоса брошенный на принца Лэйрина. Так глупо попалась. Один только взгляд. Задумчивый, приценивающийся... Исабель лишь на миг забылась, улетела в мечтах. И ее скогтил белый коршун.

Не сразу. Южанка еще лелеяла мечты до того дня, как пришла в покои принца с запиской от принцессы. К Лэйрину ее не пропустили.

– Леди Исабель, отдайте послание мне, я передам кронпринцу, – сказал вейриэн Рагар, протянув руку так, что перегородил вход в апартаменты принца. И словно ожег взглядом угольных глаз. – И примите мой совет, леди. Не приближайтесь к его высочеству даже в мыслях. Забудьте ваши честолюбивые планы. Ваши и вашего семейства. И ваших покровителей. Рекомендую вам стать верной опорой гардарунтскому трону, но не посягать на него. Тогда у вас будет блестящее будущее.

– Я не посягаю, – пролепетала побледневшая девушка.

– Я рад, что вы меня поняли.

Несколько реплик, перечеркнувших ее будущее...

Теперь Лэйрин уже стал королем Гардарунта. Вряд ли советники будут тянуть с коронацией.

Вот где ей надо быть. Но...

Но южанка была умна, и растрчивать душевные силы на сожаления не собиралась. Она умела читать рисунок дюн судьбы, непрерывно меняющийся под ветрами перемен и крыльями Песчаного Дракона, покровителя песчаных магов.

Ей нужен другой план.

И вот уже девять дней южанка его обдумывала. Он состоял всего лишь из трех пунктов.

Первое – не допустить свадьбы императора Севера и появления огненного наследника.

Второе – убить Алэра или отстранить его от власти.

Третье – выйти замуж за кронпринца Игинира и в итоге стать императрицей.

Это может оказаться куда лучше жалкой гардарунтской короны, потускневшей в тени Белых гор. Горцы никогда не допустят самостоятельного правления Лэйрина, слишком большую власть они над ним имеют. А уж его смуглую королеву они тем более оттеснят, и план покровителей по возвращению оккупированных северных территорий, ради которого они и подняли из нищеты семью Исабель, надо признать нереальным. Южанка видела Таррэ и прекрасно понимает, что шауны – большие мечтатели. Как и ее отец. А значит, ее личные планы надо менять, ей нечего ловить в тени равнинного трона.

Все, что ни делается, можно повернуть себе во благо. Вот и ее путешествие на Север станет дорогой к заветной короне. И даже ее южная кровь – не препятствие, были у импера-

тора Алэра и шаунки в постели. А принц Игинир тем более не станет нос воротить, с его-то дипломатическим опытом. Он как раз оценит родословную и магические таланты своей будущей жены.

Примиришь Север с Югом, создать небывалый магический союз, сжать клещи и раздавить Белые горы – это неожиданный и гениальный шаг, которого никто из врагов даже помыслить не мог!

Отец бы одобрил такой замечательный план, – улыбнулась Исабель, глядя на тонкий профиль принцессы. Вот только в ее замыслах не было места *императрице* Виолетте.

Но пока дочь Роберта действует так, как нужно южанке, Исабель будет ей помогать.

* * *

За час до завтрака в покои принцессы постучалась служанка. Так было принято в императорском дворце: слуги будили господ, чистили ночные горшки и меняли жаровни. Лишь к императору никто не смел сунуться, пока Алэр не вызовет сам. Остальные подчинялись традиции.

Младший лорд Яррен, в этот час охранявший гостевой этаж, впустил служанку и, взглянув на Виолетту, перебравшуюся в гостиную, неодобрительно покачал головой:

– Вы опять не спали, ваше высочество?

Она отмахнулась:

– Поверьте, фьерр Ирлари, в такую длинную ночь, как здесь на Севере, я еще успею выспаться.

Юноша хмуро предложил:

– Вы позволите помочь? Я не целитель, но последствия бессонной ночи сумею снять. Ни к чему демонстрировать всему двору вашу слабость. Вам же не нужны насмешки за спиной?

– Насмешки?

– Разумеется. Все хищники воспринимают красный цвет как сигнал к агрессии. А ваши красные глаза и нос...

– Поняла. Я приму вашу помощь, фьерр.

– Она будет дорого стоить. За прекрасный внешний вид на одно утро придется отдать полчаса жизни. Не будущей, а уже прожитой. Духи возьмут у вас воспоминания о ней. Но вы сами можете выбрать, что отдать. Согласны?

Виолетта ни на миг не задумалась:

– Конечно! Вы еще спрашиваете! Это же лечение не только тела, но и души!

– Осторожнее, принцесса. Каждое воспоминание – это кирпичик, из которого складывается здание вашей личности. Вы можете пожертвовать завитком отделки, но не фундаментом. И даже узор, который вы сотрете, обеднит вас.

– Я с радостью отдам некоторые воспоминания, они мне не нужны, – решительно заявила Летта.

– Тогда прикажите вашим фрейлинам оставить нас на несколько минут.

Через четверть часа принцесса выглядела как свежайший, только что распустивший лепестки бутон. Ни следа ночных переживаний в ясных как солнечный день голубых глазах и на чистом личике со здоровым нежным румянцем.

– Что это за чудесная магия, фьерр? – полюбопытствовала принцесса, любясь собой в зеркале. – Если о ней узнают гардарунтские дамы, вам прохода не будет.

– Дамы не узнают, миледи. Мы не будем никому говорить, не так ли? – усмехнулся полукровка. – К тому же, это магия ризна, а Белые горы не всем готовы протянуть руку помощи.

– За плату, – напомнила принцесса, вернув усмешку.

– Плату взяли дүхи, не я.

* * *

В трапезную Виолетта явилась вовремя, и ее порадовала досада на лице императора, которого явно покорило подчеркнуто свежий, выпавшийся и веселый вид его невесты. Сам он выглядел слегка помятым и чем-то сильно недовольным.

А его новая наложница, леди Марцела, к завтраку не явилась, и Летта не стала спрашивать о ее самочувствии.

– Вижу, вы хорошо провели эту ночь, моя прекрасная невеста? – процедил Алэр сквозь зубы.

– Да, восхитительно, благодарю.

– За что?

– За ваше внимание.

Она хотела добавить «не ко мне», но не решилась дерзить столь откровенно.

Успеется.

Император вяло ковырнул вилкой в тарелке какой-то белый сгусток, похожий на подтаявшее желе. Перед Виолеттой стояли тарелки с иной пищей, более привычной людям, и принцесса принудила себя съесть кусочек омлета, хотя аппетита не было.

Она давилась, но ела. Понимала, что сил больше взять неоткуда. Это не отцовский замок, где она могла втихаря наведаться на кухню, где сердобольный главный повар всегда держал под рукой для короля корзинку с бутылкой вина и свежей закуской, а для младших принцесс – фрукты и пирожки с вишней или яблоками. Здесь Летте придется довольствоваться тем, что она сумеет проглотить под прицельными взглядами императора и его снежно-ледяной свиты.

Но спокойно позавтракать ей не дали.

– У меня есть для вас подарок в честь нашей помолвки, дорогая невеста. – Император щелкнул пальцами, и к нему торопливо подошел слуга с бархатной подушечкой в руках. На таких обычно подносят государям короны, а принцессам – диадемы и драгоценности. Но на синем бархате лежало дамское зеркальце в роскошной раме, усыпанной алмазной крошкой и переливающейся в свете волшебных огней. С обратной стороны к раме крепилась откидная опора.

Император поставил зеркало рядом с тарелкой принцессы так, чтобы она видела в нем его отражение. Летте показалось, что его глаза светятся предвкушением. Какую пакость он ей приготовил?

Летта лихорадочно вспоминала правила сложного северного этикета. Должна ли она сейчас отдариться на глазах у придворных? И чем же? Отцовская сокровищница далеко, да и она совсем пуста. А в ее сундуках с приданым хранится только свадебный подарок. Разве что использовать что-то из даров для принцев или... челяди?

– Это особенное зеркало, моя леди, – шепнул венценосный жених, склонившись к девушке. – Не только для того, чтобы отражать вашу несравненную красоту. Это редкий магический артефакт, предназначенный для обучения. Он отражает картины, запечатленные на особых ледяных кристаллах. Вот на таких, это тоже мой вам подарок, учебный, – Алэр вытащил из кармана шестигранный кристалл, похожий на горный хрусталь с полмизинца величиной. – Надеюсь, вы не забыли о нашем договоре? Напоминаю, до дня нашего бракосочетания вы обязаны обучаться всему, что я сочту необходимым для моей будущей супруги. И сегодня у нас первый урок.

Не забыла. Слова императора отпечатались в ее памяти, словно были нанесены острым безжалостным резцом по камню: «У нас масса вариантов. Помолвка и очное обучение. Помолвка и заочное обучение через посредницу. Обучение без помолвки и брака и статус наложницы или, если ваши таланты меня впечатлят, фаворитки. И наконец, полноценный брак без посредницы. Никогда еще я не был столь щедр на предложения. У вас полная свобода выбора, моя дорогая, и никакого принуждения. Как и у ваших фрейлин».

– Прямо сейчас? – дрогнул ее голос.

– Я лишь покажу, как им пользоваться. Берете кристалл и вставляете в центр цветка в основании рамки. Вот сюда, – император коснулся плоской стороной кристалла шестигранной выемки внизу зеркала.

На раме тут же вспыхнул разноцветными искрами причудливый узор. Алэр нажатием пальца утопил кристалл в выемке до щелчка. Искры пришли в движение, перетекли на серебристую поверхность зеркала и сложились в картину.

Принцесса заметила, как придворные вытягивают шеи, пытаясь рассмотреть, что происходит во главе стола, а слуги, стоявшие за креслом императора, наоборот, отвернулись и опустили головы.

Виолетте тоже хотелось отвернуться, закрыть глаза, исчезнуть... потому что в зеркале отражалась не просто картинка, а движущаяся. Леди Марцела, выглядевшая не как леди, а как пьяная кабацкая девка, полуголая, с распушенной шнуровкой лифа и разлохматившейся прической, жадно целовала императора, а он снисходительно, со скучающей миной надменного лица, принимал ее поцелуи.

Но Летта не пошевелилась. Кровь отхлынула от ее лица, дыхание сбилось, словно ее ударили, пальцы задрожали, и она очень аккуратно, чтобы не выронить, положила вилку на край тарелки.

Император усмехался, внимательно разглядывая невесту. И лишь через минуту ее позора он нажал на торчавший из выемки рамы острый кончик кристалла, и тот выскочил наполовину длины из паза. Искры погасли, зеркало снова выглядело обычным зеркалом.

– Это ваш сегодняшний урок, дорогая невеста, – Алэр вынул кристалл и протянул его Летте. Она сидела как статуя. Тогда она сама взяла ее вялую руку, вложил в ладонь омерзительный дар, сжал ее пальцы и, склонившись почти к самому лицу девушки, сказал: – К моему визиту вам надлежит просмотреть его полностью. Я спрошу с вас, насколько усвоен урок. И если мне покажется, что вы что-то пропустили, я продемонстрирую его уже на вас. Встретимся через два часа.

Он отстранился и сделал знак слуге.

– Отнесите зеркало в покои моей невесты.

Второй слуга, бережно и с поклоном забрал зеркало и уложил на подушечку. Оба направились к высоким двустворчатым дверям трапезной, как вдруг те распахнулись, и в помещение плотным комом влетел снежный вихрь, за ним ворвалась вопящая что-то невразумительное на языке ласхов маленькая принцесса Осияна, за ней – ее гувернантка, а последней вбежала запыхавшаяся служанка с оборванным поводком в руках.

Вихрь ловко уворачивался от Осияны и шарахался от гувернантки.

– Держи ее, держи! – наконец, разобрала Летта.

– Стойте, принцесса, остановитесь! – рыдала гувернантка, заламывая руки.

Вихрь, почти пойманный за кончик снежного хвоста, отпрыгнул, ушмыгнул за слугу с подушечкой, тот споткнулся, драгоценное зеркало соскользнуло и с дребезгом шмякнулось о каменный пол.

И все замерли.

Измученный вихрь отвлекся на блеснувший алмазами артефакт. Остановился и осторожно его обнюхал. Теперь, в малоподвижном состоянии лохматое снежное нечто обрело очертания маленького упитанного дракончика с полупрозрачными крылышками и хрустальным гребнем на спинке.

– Вот видишь, что ты натворила, Зигги! – укорила принцесса и немедленно вцепилась в гребень. Но тут гувернантка ухватила саму принцессу, а вихрик пискнул, рванулся, и Осияна не удержала.

Снежный дракончик, в котором Летта с трудом опознала подаренную ей крошку эйхо, тем временем успел оглядеться, узрел хозяйку и с восторженным писком ринулся к ней.

– Зигги, нельзя! – завопила маленькая принцесса, вырываясь из рук гувернантки.

Поздно. Эйхо, остановить которого не осмелился никто, даже онемевший при виде разбитого артефакта император, уже прыгнул на колени к Виолетте и смачно облизал ей лицо.

Попытавшись заслониться, императорская невеста вскинула руки, забыв о кристалле. Хрусталь блеснул в воздухе и был на лету проглочен прожорливым детенышем.

Алэр только зубами скрипнул от досады.

– Простите, ваша многоликость... я... нечаянно... простите, – спохватилась гардарунтская принцесса. – Мне так жаль!

Она с трудом сдержала ликование и зарылась в мягкую пушистую шерсть чудовищно подросшей Зигги. Эйхо опять ее вырчила. И так вовремя! Как она тут оказалась?

– Объяснись, дочь, – потребовал император сквозь зубы. Скулы свело от гнева. У его ног ярились белые смерчи, разевали пасти, как клубок разъяренных змей. Парочка таких змей повернула к Летте головы со сверкающими клыками и явственно шипела.

Эйхо крутанулась на коленях принцессы и рыкнула на них. Змеи, шипя, опустили и больше не лезли.

– Папочка, прости! – Осияна потупила голову. – Я пришла покормить Зигги. Ты же знаешь, у ее новой воспитательницы нет магии, вот я и подумала... Теперь-то мне уже можно кормить Зигги, после ее привязки, не голодать же ей...

– Осияна! – император попытался прервать словесный поток.

– А она вдруг как вырвалась! – заторопилась принцесса. – Поводок откусила и вырвалась! Это же эйхо, она же маленькая, я за нее испугалась! А что тут произошло? Она же к хозяйке побежала, так ведь? Фиалке было плохо? Иначе с чего бы эйхо заволновалась?

– Какой еще фиалке? – буркнул Алэр.

– Виолетта на языке людей срединной равнины – это же фиалка, фиолетовый цветок! – девочка бросила на Летту лукавый взгляд и опустила ресницы. А морозный узор на ее розовой щеке вдруг замерцал, как магическое зеркало, и плавно перетек в изображение цветка, о котором шла речь.

– Осияна! – снова рыкнул император. Но взял себя в руки. – Ступай к себе.

– А Зигги?

Услышав свое имя, эйхо забеспокоилась, заскулила, прижавшись к груди Летты.

– Можно эйхо останется у меня? – спросила принцесса. – Раз уж мне ее подарили?

– Эйхо не дарят, – Алэр бросил на невесту злой взгляд. – Это не вещи и не животные, чтобы их дарить. Это ущербные дети. Но раз уж произошла магическая привязка к вам, то вы можете взять на себя ответственность за детеныша. Ее нянька поможет вам с уходом.

– Спасибо! – с искренней радостью поблагодарила Летта. – А Зигги не будет плохо от того, что она съела ваш кристалл?

Прекрасное лицо Алэра на миг перекосилось, но тут же разгладилось, а в глазах снова засветился огонек предвкушения.

– Ничего не будет. Это не природный кристалл, а магический. Через два часа будьте готовы к моему визиту, дорогая невеста. Мы все-таки проведем урок.

Глава 2. Урок для Фиалки

Обратно Летту сопровождали две фрейлины, телохранитель Кандар и служанка с эйхо на поводке и корзиной с вещами. Поводок был уже новый, его доставили к концу завтрака, и дракончик смиренно позволил пристегнуть его к ошейнику из тисненой кожи.

– Как вас зовут? – поинтересовалась Летта у служанки.

Нянька была крупной и крепкой женщиной с грубыми чертами квадратного лица, но удивительно добрыми карими глазами. Руки у нее были сильные, словно у бойца. Иные, наверное, и не справятся с такими деточками, как снежные дракончики.

– Мара мое имя, – голос у женщины оказался громкий и гулкий, как труба.

– Скажи, Мара, если эйхо – не животные, то почему их держат взаперти и на поводке?

– Так ведь... убегут же и помрут от голода. Ума-то у них с горошину, а любопытства с ледяную гору.

– Расскажи о себе, Мара. Как получилось, что человек... ты ведь человек, не маг? – Летта дождалась кивка женщины и продолжила. – Как получилось, что ты стала нянькой магического существа?

Мара оказалась родом из Восточного протектората, из селения на границе с аринтскими владениями. В ней была осмюшка аринтской крови, но не было магии. А эхо дара красных магов проявилось в том, что Мара легко понимала разных животных, и те за ней ходили хвостиком. Известно же, что аринты и сами звери, и звериный язык понимают. Мара не понимала, но любила возиться с любой животинкой. А потом в селе заметили, как к ней тянутся несчастные эйхо.

О таланте девушки донесли принцу Даэру, совсем еще юному лорду-протектору Восточного протектората, и тот забрал к себе во дворец полезную человечку. Через пять лет она, будучи нянькой ездовых эйхо принца, прибыла в свите в императорский дворец. Да здесь и осталась, потому что маленькая принцесса Осияна, любившая несмышленных сирот эйхо куда больше, чем родных по отцу братьев и сестру, вцепилась в Мару, как в родную мать, и не позволила уехать, устроила такую истерику, что император дрогнул, а Даэр вынужден был повиноваться. С тех пор старший брат затаил злость на младшую сестру. Не любил Даэр, когда у него что-то или кого-то отбирали.

За неприхотливым рассказом процессия добралась до гостевого крыла. При виде Яррена эйхо заскулила, словно собака, рванула вперед и протащила на поводке несколько метров крепкую с виду няньку. Вот это сила, – ужаснулась Летта. Что же будет, когда эйхо вырастет?

– Привет, Зигги, – Яррен присел на корточки и протянул эйхо раскрытую ладонь. – Как ты подросла, красавица!

– Урррм! – заурчала малышка, ласкаясь к его руке как щенок.

Летта подавила ревнивую мысль, что Яррен как-то слишком легко и быстро завоевал сердце ее драконочки. Когда успел?

– Зигги теперь будет жить здесь, – сообщила телохранитель леди Исабель. – И ее нянька Мара будет за ней ухаживать. Нужно подготовить комнату для них.

– Эйхо будет спать в моей комнате, – внезапно решила Летта.

– Госпожа, а как же я? Я же должна быть поблизости! – растерялась Мара.

– А ты – в комнате фрейлин. Там как раз освободилась койка.

– Миледи, как можно? – ужаснулась Исабель.

Но Летту было не переубедить.

Конечно, с такой соседкой будет меньше свободы, придется следить за языком. Наверняка служанке прикажут шпионить за принцессой и ее свитой. Но зато так безопаснее. Вряд

ли император заявится ночью и будет устраивать проверки при таком ребенке как эйхо. Летта заметила, что северяне относятся к ним очень трепетно.

И на урок Летта ее возьмет. Ведь надо же ей привыкать к необычной воспитаннице.

– Ее высочество права, так действительно будет лучше. Эйхо – лучшие сторожа, они чувствуют любую магию независимо от ее цвета, – Яррен так сверкнул глазами на возмущенную Исабель, что та сразу замолчала.

Драконочка, воссоединившаяся с «мамочкой» была совершенно счастлива. А Летта, что бы там ни говорили о человеческом статусе драконов, воспринимала ее как большого щенка. Принцесса самозабвенно возилась с эйхо, не боясь поранить руки об острые гребни. И, удивительное дело, игольчатый покров драконочки на ощупь оказался мягким, хотя и холодным как снег, а хрустальные гребни только выглядели острыми.

Наконец-то в покоях гардарунтской принцессы звучал искренний смех.

Но были и неприятные последствия пребывания несмышленной эйхо: глупышка Зигги выпила всю магию, до какой могла дотянуться – сняла всю защиту с комнат, слизала чары с рысьей шубы и обратила в пустые стекляшки ожерелье принцессы, подаренное ей императором и «усовершенствованное» его сыном. У Летты осталась только булавка-амулет, тайный подарок кронпринца Игинира, до нее вечно голодная эйхо еще не добралась.

Оба горца, ответственных за безопасность принцессы, потребовали все-таки отселить мелкое чудовище, но Летте было до слез жалко.

– Придумайте что-нибудь, вы же маги! Скоро сюда явится император, нужно восстановить защиту, от него можно любых сюрпризов ожидать! – принцесса капризно скривила губы и обняла драконочку, окончательно размягшую от такого количества любви и ласки и превратившуюся в пуховую подушку с клыками.

Яррен, переглянувшись с Кандаром, тяжело вздохнул.

– Как прикажете. Вообще-то это парадокс – магией защитить чары от пожирательницы магии.

Драконочка, почувствовав, что речь о ней, издала виноватый хнык, вывернувшись из рук принцессы и подползла к Яррену. Тот пригладил мягкие, как у молодой елочки, белоснежные иголки, почесал пробивающиеся ледяные рожки... хмыкнул и расплылся в улыбке:

– Дамы, у вас же есть ножницы?

Через полчаса защита была восстановлена. Полукровка опять проявил недюжинный ум и хитрость, вплетя в магическую охранную сеть еще и защиту от драконочки, и создана она была из игольчатой шерсти самой эйхо.

Зигги значительно похудела и перепугалась, когда ее стригли в восемь рук, но дамы хором уверяли драконочку, что с такой прической она стала еще симпатичнее, а шерстка вырастет еще гуще и белее. Правда, эйхо почему-то стала походить на пуделя, особенно, после того, как леди Эбигайл повязала ей розовый бант на шею.

Со всей этой возней Летта и ее свита как-то и забыли о том, что с минуту на минуту к ним явится хозяин дворца и всех северных земель, вод и льдов. И распахнувшиеся в разгар веселья двери произвели на них впечатление внезапного грома.

– Что тут происходит?

Император обвел взглядом веселые и раздурманенные лица принцессы и ее фрейлин, оживленные физиономии телохранителей, довольную мордашку Зигги и клочки шерсти, разбросанные по коврам, диванам и подушкам. Нянька Мара, ползавшая на четвереньках по ковру и подбиравшая шерстинки в передник, замерла за диваном и в поле его зрения не попала.

– Ваша многоликость... – дамы присели в реверансе.

Летте пришлось для этого снять с колен морду разомлевшей эйхо.

– Мы делали прическу малышке Зигги. Она страшно обросла! – ответила Виолетта и поправила бант на драконочке.

– Я рад, что вы не скучаете, миледи.

Император вошел в гостиную, а следом за ним, не поднимая глаз, вошла Марцела.

И атмосфера в комнате мгновенно стала такой напряженной, что даже короткая шерстка Зигги вздыбилась на загривке и заискрилась.

Летта оценила насмешку императора. Марцелу после ночи с мужчиной одели как непорочную невесту на брачную церемонию. На ней было новое роскошное платье, сшитое по моде северян – белоснежное, украшенное сверкающими как иней узорами, приталенное и узкое в бедрах, расширяющееся книзу несшитыми лепестками колокольчика. При движении лепестки слегка расходились, открывая многослойные нижние юбки из легкой летящей органзы.

Но при всем великолепии наряда юная леди, с ее колоритными медно-рыжими волосами, ярким румянцем и веснушками, выглядела в нем как вареный рак в креманке со взбитыми сливками.

– Выйдите. Оставьте нас с моей невестой, – приказал император, обратив тяжелый взор на Яррена.

Возразить ему никто не посмел, да и повода не было, все-таки жених оставался не наедине с невестой, а в присутствии ее бывшей фрейлины. Еще не разжалованной, к слову.

– Задержитесь на одну минуту, дамы и господа! – потребовала принцесса. Выпрямилась, вздернула подбородок и постаралась придать взгляду фиалковых глаз стальную властность, как умел ее отец. – В вашем присутствии, высокие леди и лорды, я объявляю, что отстраняю от должности фрейлины леди Марцелу, дочь виконта Эжена Дюран. Причину, надеюсь, объяснять не надо.

Марцела подняла голову и улыбнулась, прямо и бесстыдно глядя принцессе в глаза. Столь порочную улыбку Летта видела только у своих старших сестер, блудниц Адель и Агнесс.

– Если мне будет позволено, я бы хотела услышать причину, ваше высочество, – пропела наложница императора.

Летта стиснула кулаки, но усилием воли заставила себя не злиться. Это ничтожество не выведет ее из равновесия.

– Извольте. Ваша новая должность наложницы императора несовместима с должностью фрейлины. В моей свите могут служить только целомудренные девушки с непорочной репутацией.

– Но я еще девственница, – нагло ухмыльнулась рыжеволосая.

«Зачем я разговариваю с этой дрянью?» – укорила себя принцесса, а ее взгляд потемнел от сдерживаемого гнева.

– Это уже неважно, – спокойно произнесла она. – Вы нарушили клятву верности, покинули свой пост без моего на то дозволения и не ночевали в отведенных вам покоях. Ваша репутация, леди, не позволяет вам находиться со мной рядом в одной комнате.

Румяное лицо Марцелы побледнело, но огонь, горевший в рыже-карих глазах стал еще безумнее.

– Зато она позволяет мне находиться рядом с *моим* императором везде, где *он* мне прикажет.

– О чем и речь, Марцела. Ты не можешь служить двум господам, потому я освобождаю тебя от служения мне. – Летта перевела взгляд на императора, с удовольствием наблюдавшего за скандальной ситуацией. – Рядом со мной должна находиться одна из моих верных фрейлин. Леди Исабель...

– Исключено, – веско, как ледяной глыбой, придавил владыка Севера. – Этикет соблюден, мы не наедине. Все прочие могут отправляться к темным. Это в ваших же интересах, моя дорогая невеста, лишние свидетели нам не нужны.

И что-то такое было в его взгляде, мазнувшем по ее лицу и груди, что Летта мгновенно вспомнила увиденный в магическом зеркале поцелуй и соотнесла с визитом наложницы. Если

зеркало сломано, то... Неужели он пойдет так далеко в попытках ее унижить, что проведет проклятый урок *наглядно*?

– Тогда... – голос девушки все-таки дрогнул, – тогда со мной останется эйхо.

Алэр поморщился, но уступил.

Последним выходил Яррен, и едва за ним, бросившим напоследок обеспокоенный взгляд, закрылась дверь, Виолетта заявила:

– В чем бы ни заключался урок, ваша многоликость, прошу вас не осквернять мои покои. Само присутствие вашей наложницы здесь – оскорбление после того, как я дала ей отставку. Она должна немедленно уйти.

Алэр насмешливо вздернул бровь, словно поражался дерзости юной невесты. С той же насмешкой взглянул на Марцелу, взиравшую на бывшую госпожу с враждебностью и превосходством, а потом его взгляд упал на эйхо, не отводившую глаз от его рыжеволосой игрушки. Эйхо не способны говорить, но отлично чувствуют чужие эмоции, и они ей не нравились. Так не нравились, что драконочка замерла сжатой пружиной, готовой взметнуться и вцепиться в горло обидчице.

Крови Алэр не хотел. Не сейчас.

– Марцела, выйди, – приказал он.

– Но...

– Ты забываешься, – подчеркнуто ровно напомнил император.

– Простите, господин. Простите!

К изумлению Летты рыжеволосая предательница рухнула на колени перед мужчиной и, осторожно взяв обеими руками протянутую ей ладонь, иступленно поцеловала.

«Как быстро он ее сломал, – ужаснулась принцесса. – Он и меня так же ломает. Добивается рабской покорности. Не в этом ли заключается его урок?»

– Простите, мой господин! – лепетала Марцела между поцелуями. И лишь получив благосклонный кивок императора, избавила Летту от своего присутствия.

Дверь осталась открытой. Леди Исабель тут же встала у порога, но в комнату зайти не рискнула.

– Стойте там, леди Исабель, – приказал Алэр. И усмехнулся: – Не думал, что при дворе короля Роберта с его-то *репутацией*, столь строгие нравы.

– Дети за отцов не отвечают.

– Но идут по их стопам. Уже всему миру известно, что четыре из шести его дочерей потеряли девственность до замужества. А я всего лишь предлагаю ускорить наш брак. Но вы так сопротивляетесь, моя леди, что у меня возникают подозрения. Ваше тело невинно, к счастью для вас, но душа... Так ли невинна она? Уж не влюблены ли вы, моя дорогая? Не потому ли вы даже смотреть на меня не хотите? Не потому ли в вас сейчас, при виде моей наложницы, говорило только оскорбленное достоинство, но отнюдь не ревность? Кто он? Отвечайте!

Алэр протянул руку и, ухватив Летту за подбородок, повернул к себе ее лицо, заставив смотреть в ледяные глаза.

– Пустите! – процедила принцесса. – Вам не в чем меня упрекнуть!

– Отвечайте, леди. Вам нравится другой мужчина?

– Нет!

Разве может простое и пустое слово «нравится» отразить ее чувства? Нет. И даже слово «влюблена» – слишком поверхностное, слабое, как сквозняк против урагана.

Нет, она не влюблена. Она любит. Всей душой, всем сердцем, всей жизнью.

И в этот момент скулившая эйхо не выдержала, преодолела страх перед мощью северного мага и цапнула его за ногу. Но тут же отскочила стремительным снежным вихрем и юркнула под диван.

Летта перепугалась. Сейчас Алэр убьет или эйхо, или ее.

Лицо императора исказилось гримасой боли, покрылось коркой льда. Не только лицо. Летта почувствовала, как адский холод сковывает ее тело, а ледяные стрелы появились даже на потолке.

Но Алэр быстро овладел собой и даже жертву не выпустил из когтистых лап. Лишь покосился на диван, за которым поскуливала тоже перепуганная эйхо. Взмах второй его руки, и холод отступил, а угольки в жаровне ожили.

– Вы должны знать правила, принцесса, – жуткий взгляд Алэра не давал ей дышать полной грудью. – Мы не наказываем детей, в том числе эйхо. За каждый их проступок наказание несут их воспитатели. Раз уж вы решили оставить вашу эйхо при себе, вам придется научиться сдерживать эмоции и ни в коем случае ни к кому не испытывать злость и ненависть, если не хотите расплачиваться.

– Как... расплачиваться? – трясаясь как осинка, спросила Виолетта.

– Ваша эйхо причинила мне боль.

– Но я... не целитель.

– Это неважно. В ваших силах исцелить мою рану. Подарить вместо боли наслаждение, – прошептал он ей в губы и, склонившись, накрыл их своими губами, холодными и твердыми, как у заколоченного трупа.

Летта задыхнулась, дернулась рыбкой, попавшей на крючок. Ей было омерзительно, гадко. Из глаз брызнули слезы. «У ласхов обмен поцелуем происходит только после брачных клятв», – вспомнила она предупреждение Исабель. Ногти принцессы царапнули по вышитому камзолу императора, но у девушки не было сил ни оттолкнуть, ни вырваться, ни закричать.

Но император уже отстранился, и в его лице было столько брезгливости и... ненависти, что Летта не выдержала. Спасительная темнота окутала ее сознание.

Яррен, ворвавшись, успел подхватить принцессу и опустить ее на диван.

Император, уже не обращая внимания на обморочную невесту, раскрыл снежный портал и, схватив за руку Марцелу, исчез вместе с наложницей. И не слышал, с какой яростью полукровка бросил ему вслед гневные слова:

– Я вызову тебя на суд чести, отмороженный чурбан!

* * *

«Зачем я ему? – была первая мысль очнувшейся Летты. – Он же меня ненавидит. Так люто, что его ничто не останавливает. Да и что может остановить такое чудовище? Безымянный, чем я заслужила все это? За что?»

Она искренне не понимала, как возможно такое отношение к будущей супруге, будущей матери своих детей. Или все дело в том, что Виолетта – не маг? А к другим своим женам как он относился? Не все же из них обладали искрой божественного пламени айров.

Она почувствовала, как рядом с ней пошевелился и заскулил детеныш эйхо. Открыла глаза, увидела заплаканное личико леди Эбигайл.

– Ваше высочество, как я рада, что вы пришли в себя! – сразу запричитала фрейлина. Протянула стакан с водой. – Вот, попейте. Лорд Яррен приказал выпить это сразу, как вы очнетесь. Зигги, не мешай!

Драконочка, жадно сунувшаяся к стакану, обиженно фыркнула. Значит, в напитке магия. А по виду и не скажешь, вода как вода. Вкусная. Летта, допив до дна, вытерла капельки с губ и протянула руку к малышке и почувствовала, словно крохотные иголки прошли по коже – эйхо впитала остатки магии и с благодарностью лизнула ее руку шелковым язычком.

– Надо дать эйхо новое имя, госпожа! – гулко пробасила нянька, выбираясь из-за дивана. – Это закрепит вашу связь. Все воспитатели дают питомцам новые имена вместе с глотком магии.

– Но это не моя магия, Мара, – Летта покрутила в руках пустой стакан.

– Неважно. Бывает, что и люди воспитывают порченных детей ласхов. Да хотя бы я тому пример. Уж простите меня, безграмотную, но я вот что скажу. Нет на земле людей без капли магии. Ведь айры, когда передали пламя магии избранным, наказали им раздать всем. Кому-то больше досталось, кому-то меньше, но с тех пор в каждом человеке дремлет хоть крохотная, но искра. Но не каждому удастся найти ее в себе и раздуть ее до настоящего пламени. Так что, есть в вас магия, госпожа, есть.

Удивительно, но простые слова драконьей няни всколыхнули что-то в съжившейся, обожженной дыханием лютého холода душе принцессы. Она почувствовала себя цветком, оживающим под навалившимся на него сугробом.

Как часто в детстве они с Виолой горевали, что они, дочери огненного мага и горной волшебницы, не унаследовали дара от родителей. Никто из семерых детей Роберта и Хелины. Но кронпринцу Лэйрину дар достанется в наследство, а принцессы так и останутся обездоленными.

Потом, когда принцессы повзрослели, Виолетта уже понимала, что чем выше дар, тем больше платит миру одаренный. Она замечала, как иссушает отца его внутренний огонь, как сводит с ума. Не зря его прозвали за глаза «Бешеный рыжий бык».

Вот и трехсотлетний Алэр... Это магия сводит его с ума. Огромная, божественная власть над миром, доставшаяся обычному человеку, созданному не как сосуд для таких сил.

Что будет, если налить раскаленный свинец в тонкую фарфоровую чашку? Она лопнет.

Хоть бы поскорее, – вздохнула Летта и тут же устыдилась. Нельзя желать зла другому. Призванное зло сначала приходит к тебе.

Принцесса мысленно сделала отвращающий знак, представила зеркало – символ вод, отразивших лик Безымянного – и повернула его над головой отражающей стороной вверх.

– Спасибо за подсказку, Мара, – улыбнулась она. – Наверное, имя для эйхо должно быть на священном?

– Хорошо бы, – кивнула нянька. – Ведь в этих дитятках – чистая магия, а что она, как не дар айров? Только вот что. Надо, чтобы новое имя несло в себе частичку старого.

Летта задумалась. Она знала священную речь очень поверхностно, в основном, из церковных псалмов и гимнов, да и те большей частью зубрила, а не понимала смысл.

– Нарекую тебя Зиантрой, – она осторожно погладила малышку по блестящим ледяным рожкам. – Зиантра – спасающая. Или просто Зи.

– А ведь в самую суть! – умилилась Мара.

– А где леди Исабель? – спохватилась принцесса.

Ответила фрейлина Эбигайл:

– Она беседует с кронпринцем Игиниром. Его высочество пришел осведомиться о вашем здоровье, но целитель запретил вас беспокоить.

Стрела ревности пронзила сердце принцессы. Ее камер-фрейлина *до сих пор* болтает с посторонним мужчиной?

– Мне уже легче. Позови ее, – приказала принцесса. Эбигайл метнулась за дверь. А Летта перевела взгляд на служанку. – А ты, Мара, можешь пока быть свободна. Зиантра побудет со мной.

– Я тогда вещи ее принесу. Принцесса Осияна задарила малышку, чего только нету... – уже на пути к двери пробормотала нянька и посторонилась, пропуская леди Исабель.

Из-под полуопущенных век Летта наблюдала, как неспешно, с достоинством камер-фрейлина входит в гостиную. На ее смуглом лице играл румянец, очень красивший девушку, полные губы улыбались, а взгляд больших и темных, как южная ночь, глаз был туманным, с поволокой.

Обжигающая красота, манящая. И приманивала она ее любимого! А Летта ничего не могла сделать. Ни взглядом, ни жестом нельзя показать ни своей любви, ни своей ревности. Если кто-то догадается, ей не жить...

– Леди Исабель, подайте мой экземпляр брачного договора, – распорядилась Виолетта.

Она заметила, как удивленно взметнулись ресницы камер-фрейлины, но та быстро взяла себя в руки, прошла к одному из сундуков и, сняв магическую печать, повернула ключ, откинула крышку и вытащила ларец, где хранила драгоценности и документы.

Тот тоже был опечатан шаунской магией, очень эффектной: ларец обвивал маленький дракон песочного цвета. Исабель погладила его по голове, снимая заклятие, и дракон поднял каменную голову, оскалится с шипением, но, признав хозяйку, рассыпался, словно горсть песка, и исчез.

Леди Эбигайл наблюдала за колдовством с восхищением – юную девушку восторгало все, что касалось магии, и она завидовала старшей фрейлине куда больше, чем принцессе. А вот эйхо злобно зарычала на враждебную ей шаунскую магию – она была для нее ядом.

Исабель, сняв последние запоры, вытащила из ларца несколько шкатулок и, наконец, на свет появился длинный пенал. Его она и подала с поклоном принцессе.

– Ваш документ, миледи.

Летта повертела в руках пенал, нажала в определенной последовательности секретные запоры, замаскированные под завитушки орнамента, а когда, щелкнув, отошла в сторону одна из завитушек, открывая отверстие замка, сняла с шеи цепочку с крохотным ключом и открыла шкатулку. И вскрикнула.

На алом бархате не было ни клочка. Пенал оказался пуст.

– Как это понимать? – гневно воззрилась она на хранительницу документа.

Исабель побледнела.

– Но, ваше высочество... Как же так? Печати были не тронуты!

– Но документ украден! И сделать это могли только вы! Кто еще мог снять печати и наложить заново?

– Клянусь желтым пламенем, я не прикасалась к пеналу. И как я могла, если ключ есть только у вас, и вы с ним не расстаетесь?

– Но я была без сознания. И... не первый раз! Леди Эбигайл, зови фьерра Ирлари!

Яррен явился только через четверть часа.

– Простите за задержку, ваше высочество, – поклонился младший лорд. – Моя смена закончилась, и я позволил себе в свободное время отлучиться из гостевого корпуса.

– Как глава моей охраны вы не должны никуда отлучаться без доклада и моего дозволения! – вспыхнула принцесса негодованием.

Изменчивые, как весенняя погода, глаза полукровки позеленели.

– Как главе вашей охраны, миледи, мне иногда необходимо сохранять полную секретность моих перемещений.

– Даже от меня?

– Даже от вас. Нет гарантии, что ваши покои не прослушиваются. Кроме того, иногда жизненно важно каждое мгновение, и недопустимо тратить время на ожидание, когда ваше высочество изволит принять меня. Вы в это время можете спать, купаться или пребывать в обмороке, как сегодня.

Получив отповедь, принцесса покраснела и вынуждена была согласиться с железными аргументами мага. Но последнее слово оставила за собой:

– Что ж, если я не могу принять вас, или ежели есть срочная необходимость покинуть ваш пост, вы вольны поступать на свое разумение. Но в остальное время я должна знать, когда и на какое время вы уходите, фьерр Ирдари.

– Как прикажете, – полукровка склонил непокорную голову, но его взор все еще непримиримо и ядовито зеленел.

– Так и прикажу, – Летта вздернула подбородок. Еще не хватало, чтобы ее приказы оспаривались. – Итак, я звала вас, чтобы вы разобрались, кто и зачем похитил мой экземпляр договора из пенала, который хранился в ларце с магическими печатями.

Глава 3. Минус один из трех

Портал перенес Алэра и Марцелу в холл перед покоем императора. Как только погас ярко-синий контур, Владыка льдов оттолкнул прильнувшую к нему девушку.

– Ступай в спальню! – приказал он и взмахнул рукой, создавая новый портал.

– Господин, могу я спросить?

– Ну что еще? – Алэр раздраженно обернулся. Наметившийся снежный круг мгновенно развеялся.

– Чем мне можно заняться в ожидании вас?

– Ничем. Обязанность наложницы – согреть своим телом постель к приходу господина. Если ложе окажется холодным, я тебя выгоню.

– Но это же скучно – все время лежать! – Марцела надула пухленькие губки.

– Скучно? – император поймал девушку за подбородок и провел большим пальцем по ее губам. – Дозволяю читать.

– Что? – рыжая гардарунтская розочка изумленно округлила глаза. – Читать? Я благородная леди, а не служка-чтец! Я не умею читать!

– Дура! – Алэр отшвырнул от себя девицу. – И как же вы живете в таком невежестве?

– В каждом благородном гардарунтском доме есть специально обученные слуги – чтецы и писари, – горделиво пояснила наложница. – Аристократу неприлично заниматься делом низких сословий. Кроме того, это просто вредно, особенно девушкам! От чтения появляются морщины и портится цвет лица, а от чернил пачкаются руки и одежда. Это постыдно! Единственное, что не возбраняется высокородным – расписываться в документах. Этого умения вполне достаточно.

Император расхохотался.

– Моя невеста такая же дура?

Марцела обиженно посопела, но выдавила:

– Хуже! Она втайне научилась читать и даже писать, словно какая-то купчиха, а не принцесса. Я сама видела, как ее обучал этот горец... фьер Яррен!

– Что? – мужчина сжал плечо наложницы так сильно, что она вскрикнула. – Значит, Яррен обучал? Этот мальчишка ей нравится? Отвечай!

– Да, он ей нравится. Я видела, как принцесса Виолетта им любит. И еще когда крон-принц Игинир оставил его одного на пограничном берегу в ту ночь, когда Темная страна едва не пожрала Гардарунт, у Виолетты была самая настоящая истерика. Этому все были свидетели! А уж когда Яррен вернулся живой и невредимый, она ему на шею бросилась!

– Вот как? Яррен, подумать только! Щенок! – злая усмешка расклевала прекрасное лицо императора. – Теперь понятно, почему она так сопротивляется браку. И чему еще она обучилась у такого... учителя? Что они читали вместе? Любовные послания друг другу?

– Я... не знаю, господин. Не знаю! – захныкала наложница. – Пустите, господин. Мне больно!

– Жаль, что ты уже лишилась доверия девчонки. Поторопился я с тобой... А что ты скажешь об Эбигайл? В кого она влюблена?

– Мы не успели сблизиться, ваша безупречность. Ай, больно!

– Нужно говорить «ваша многоликость», глупая. Ты оказалась совсем бесполезна, Марцела. Я разочарован. И прекрати хныкать, ненавижу бабское нытье!

Император дунул в лицо девушки, и оно лишилось красок, а потом медленно, чтобы жертва успела прочувствовать, превратилось в ледяную маску с разинутым в немом крике ртом и ужасом в застывших глазах.

Марцела успела схватиться руками за немеющую шею, ее грудь вздымалась, но крик не мог вырваться из ледяного плена, а потом остановилось дыхание, и несчастная упала ничком у ног равнодушно наблюдавшего императора.

От удара об пол ледяное лицо треснуло.

– Достаточно, – Алэр распростер руку над сломанной куклой. Ее окутало синее сияние. – Надеюсь, этот урок будет усвоен твоей бывшей госпожой.

Он щелкнул пальцами, и в облаке сверкающих снежинок появилась огромная и плечистая фигура обнаженного ласха, сплошь покрытого светящимися узорами. Вместо лица у него белела чудовищная бугристая морда с вытянутой пастью.

– Убери здесь, Феранар. С девкой делай, что хочешь. Наиграешься, отдай в казармы.

– Разве это не благородная дочь равнинного барона? – глухо спросил ласх.

– Виконта, Феранар. Да пусть хоть гардарунтского короля. Это не имеет никакого значения. Выполняй.

– Благодарю за подарок, мой император, – клыки Феранара блеснули в хищной улыбке. – Ты впервые отдаешь мне девственницу!

Алэр отмахнулся. Какие мелочи.

– Наслаждайся. У нее, увы, попортилось личико, но тебя это вряд ли смутит.

– Это точно, – хохотнул монстр.

– И вот еще что. С горца Яррена фьер Ирлари не спускать глаз, но пока никаких провокаций без моего приказа.

– Слушаюсь, владыка.

Оставив сломанную игрушку в лапах верного слуги, Алэр открыл наконец снежный портал и ушел из дворца.

* * *

Яррен покрутил в руках пустой пенал, так же тщательно осмотрел ларец. Попросил леди Исабель активировать охранный артефакт. Подразнил песчаного дракончика, доведя того до приступа ярости, и убедился, что злобного охранника не обмануть известными полукровке чарами. Артефакт признавал только руку самой Исабель и крайне неохотно – руку принцессы Виолетты.

Яррен отодвинул ларец и повернулся к южанке.

– Если ваше колдовство так безупречно, леди, то получается, взять договор могли только вы.

– Зачем мне это делать? – камер-фрейлина пожала плечиком, придвинула ларец к себе и успокаивающе погладила дракончика, все еще плюющегося в Яррена ядовитыми каменными шипами. Колючки, увы, не причинили полукровке никакого вреда – они осыпались, не долетев до врага.

Яррен взял пустую шкатулку, покрутил, осматривая со всех сторон.

– Вот и я не понимаю, зачем кому-то это делать? Я помню договор наизусть. В Гардарунте хранится еще один экземпляр подлинника, и магическая копия с него будет иметь такую же юридическую силу. Какой смысл красть бумагу? Ее даже не подделать, она освящена тремя магиями, в том числе в храме Безымянного.

– Может быть, вор хотел показать, что если он захочет, то ничто не сможет защитить ни самые ценные мои вещи, ни... меня? – тихо спросила принцесса, не отводя глаз от песчаного дракончика. Тот уже перестал напоминать раздувшегося ежа и прикрыл глаза, млея от ласки своей создательницы.

– Если вы говорили о вашем гостеприимном женихе, миледи, то вряд ли ему нужна для этого такая странная демонстрация. – Яррен перевел на Летту задумчивый взгляд. – Ваше высочество, прикажите вашим фрейлинам оставить нас для конфиденциального разговора.

Летта кивнула и обе дамы направились к выходу.

– И ларец с собой возьмите, леди Исабель, – потребовал Яррен.

Глаза южанки на миг изумленно расширились, но она молча вернулась, подхватила за боковые ручки ларец с дракончиком на крышке и вышла.

– Так я и подумал, – усмехнувшись, пробормотал Яррен, не поленившийся плотно закрыть за фрейлинами дверь.

– Что подумали? – нахмурилась Летта.

– Что шаунский амулет работает не только как охранник, но и как соглядатай. Надеюсь, вы не вели секретных разговоров при нем?

– Н-нет, – в голосе Летты не прозвучало уверенности.

– Главное, держать ларец в сундуке. На него я навесил свое заклинание-щит от кражи, порчи, огня и прочего. Вряд ли через такой щит можно было что-то подслушать, находясь внутри сундука.

– Заклинание? – принцесса отчего-то побледнела. – Тоже следящее?

– Разумеется! – радостно улыбнулся полукровка. – Потому я уверен, что никто посторонний не притрагивался к сундуку. Но вопрос, как вору удалось украсть документ, мы пока отложим. А вот вопрос «зачем»... Что случится, если исчезнут все три экземпляра договора, принцесса?

Ее пальцы дрогнули, и она поспешно спрятала руки под стол.

– Не знаю, – выдохнула Летта и тут же прикусила губу.

– Если бы договор был обычным, вы оказались бы свободны от всех обязательств, словно и не было никакого договора, – пояснил телохранитель. – Но он необычный, миледи. Он магический. Бумага, на которой он написан, защищена от всех возможных попыток ее уничтожить. Вы хотели его порвать и сжечь, так? И у вас не получилось.

Лицо Летты стало совсем белым. Она молча кивнула, не отводя от горца огромных испуганных глаз.

– Все-таки зря людей не обучают хотя бы теории магии, вы бы тогда знали ее возможности, – вздохнул полукровка. – Предположу, что вы передали через посла в Гардарунт, чтобы второй экземпляр договора был уничтожен или спрятан. Но что бы вы делали с той бумагой, которая хранится у Алэра?

– Я надеялась уговорить... кое-кого... помочь мне, – прошептала Летта, а в прекрасных фиалковых глазах появились слезы.

– Как же вы еще наивны. Простите, миледи, – Яррен снова душераздирающе вздохнул. – Где договор?

– В жаровне, справа от моего ложа, – всхлипнула Летта. – И он не сгорел. Ночью я закопала его в угли.

– И слуги, меняющие прогоревший уголь в жаровнях, скоро придут и обнаружат в пепле несгораемую бумагу с интересными печатями. С вашего позволения я ее достану.

– Да, конечно, – принцесса сглотнула слезы.

– Не плачьте, прошу вас.

Утешитель из ученика вейриэна оказался никудышный – девушка разрыдалась еще горше. Яррен немедленно сбежал в спальню и через пару минут появился на пороге с целехоньким свитком в руках.

Летта уже справилась с собой, вытерла слезы и сидела с прямой, как натянутая струна, спиной.

– Как вы догадались, что я сама взяла документ?

– В последние дни к этому сундуку никто не прикасался, кроме вас, миледи, – Яррен вложил свиток в шкатулку, но не торопился отдавать. – Вы открывали его после вашей вчерашней помолвки, сегодня ночью, когда остались в спальне одна.

– Вы и это знаете?

– Вам нужно помнить, что вы окружены магами, и теперь, после стольких покушений, каждый ваш шаг отслеживается. Причем, не только мной. Нам с Кандаром стоит немалых усилий отводить императорскую слежку.

Летта стиснула руки.

– Я не знала. Почему вы мне не сообщили?

– Вам и без этих знаний нелегко. Меры предосторожности мы с Кандаром предприняли, чужие уши ничего не услышат, а мои для вас абсолютно безопасны. У меня только один вопрос: зачем вы разыграли этот спектакль для леди Исабель? Да, вы не знали, что ее артефакт сообщил ей, кто на самом деле взял свиток, и будь она вашим врагом, то получила бы повод для шантажа. Так что заставило вас открыть ей, что шкатулка пуста?

Принцесса скомкала мокрый платок и швырнула его в ближайшую жаровню.

– Знаю, что все получилось глупо. – Летта сжала кулаки и вздернула подбородок. – Мне подумалось, что нужно как-то предупредить Исабель, что свитка нет... И невозможно признаться, что это я сама... Понимаете? Наверное, надо было тихо положить его обратно в шкатулку, но я не могла вытащить его из раскаленных углей! Решила подождать. И о слугах, меняющих остывшие жаровни, я тоже подумала. И испугалась. Я же не знала, что бумага с магической печатью не горит! А Исабель умная, она бы что-нибудь придумала. Вдруг бы потом получилось уничтожить этот проклятый договор?

Яррен отрицательно качнул головой.

– Невозможно. Хотя... вы же не все способы пробовали, а только один. Ваше высочество, я на вашей стороне. Я дал вам клятву. Прошу вас, впредь советуйтесь со мной прежде чем что-либо предпринять. Каким бы неожиданным ни был ваш замысел. Может быть, я смогу подсказать вам более... правильное решение. Обещайте мне.

Летта молчала, сцепив тонкие пальцы и кусая губы.

– Прошу у вас всего лишь чуть больше доверия, – проникновенно сказал полукровка. – Моя задача – охранять вас от всех угроз, даже от тех, которые порождаете вы сами своей неосторожностью и неосведомленностью.

– Невежеством, – с горечью уточнила Летта.

– Вы научитесь. Если уцелеете. И я положу все силы, чтобы уцелели. Но мне нужно ваше обещание.

– Обещаю, – решила Летта и отвернулась. Ей было мучительно стыдно.

– Благодарю. Дайте-ка мне, я кое-что проверю, – Яррен поклонился и, забрав из ее рук так и не запертую шкатулку, направился к выходу.

– Подождите. Что вы скажете моим фрейлинам?

– Придумаю что-нибудь, – остановился Яррен. – Пока им не нужно знать, что договор нашелся. Да, забыл спросить, вы уже дали новое имя своей подопечной?

– Да. Я назвала ее Зиантра.

Едва принцесса произнесла новое имя эйхо, как дверь распахнулась, и в комнату ворвался снежный вихрь, сбивший с ног Яррена. Телохранитель в попытке удержаться на ногах взмахнул руками, незапертая шкатулка в его руке раскрылась, свиток выпал и пропал в снежной круговерти.

Эйхо остановилась на миг, чтобы соглотнуть, облизнуться и благодарно взглянуть на кормильца, но тут же жалобно завизжала и покатила по полу – проглоченная огненная магия оказалась смертельно опасна для ее северного организма.

– Выплюнь! Скорее! – Яррен поймал несчастного детеныша, прижал к себе содрогающееся в конвульсиях тельце и безбоязненно сунул руку в клыкастую пасть.

Эйхо закашляла, отрыгнув крохотный клочок бумаги. Ровный, круглый, размером аккурат с уместившуюся на нем алую печать огненных королей Гардарунта. Все, что уцелело от нетленного, непотопляемого, нестораемого, магически защищенного и освященного экземпляра брачного договора шестой дочери короля Роберта и императора Севера.

– Какая трагическая случайность! Простите, ваше высочество, мою неловкость, – Яррен передал жалобно скулившую эйхо в руки принцессы, подцепил клочок с печатью левой рукой, на которой засветилось рубиновое кольцо, и бросил в жаровню со словами: – Огонь – к огню, соединись. Забери свое!

Из кольца ударил алый луч. Печать вспыхнула нестерпимо яркой звездой и исчезла.

Нянька Мара, скалой застывшая на пороге и загородившая обзор фрейлинам своей крупной фигурой, едва успела прикрыть глаза рукой. А за ее спиной вскрикнули и упали в обморок обе дамы.

Эйхо, вырвавшись из рук Летты, с визгом умчалась к няньке, причем, каким-то чудом сумела и вынести из прохода грузную женщину, и захлопнуть за собой створки двери.

Яррен и Летта встретились взглядами.

– Вы не пострадали, ваше высочество? Как ваши глаза? – обеспокоился полукровка.

– Я с младенчества еще и не такие светопреставления видывала, папенька любил придворных пугать, – улыбнулась принцесса. – Привыкла.

Полукровка покачал головой.

– Вряд ли такую устойчивость можно объяснить только привычкой. Вы – дочь горной леди, риэнны, пусть к вам и не перешел белый дар. Но главное – ваш отец все-таки дал вам защиту от огня, миледи. И это очень хорошая новость для нас. Хотя я мог бы и раньше догадаться.

– Думаете? Если бы он дал мне защиту, я бы могла брать угли голыми руками, но я не могу.

– Защита бывает разной. Громоотвод защитит от молнии, но не от дождя.

– Но вы тоже не пострадали. Он и вам дал защиту?

– Можно и так сказать. Я – белый маг, потомственный риэн и ученик вейриэна... – начал было полукровка, но осекся и усмехнулся. – Но не буду вас обманывать, причина не в этом. У меня есть особое кольцо огненного короля и его благословение. А сейчас прошу меня простить, я должен проверить состояние ваших фрейлин.

– Фьер Ирлари... спасибо.

– Мой долг – защищать вас, – поклонился Яррен.

«Долг... – фыркнула про себя принцесса. – Удобное слово. В любой момент можно решить, что долг отдан. И что тогда удержит? Если бы этот рыцарь защищал меня по велению сердца, а не долга, я могла бы ему доверять, как он просит».

Дойдя до двери и бросив взгляд за порог, горец... плотно закрыл их и повернулся к принцессе.

– Вашим двум фрейлинам уже помогает Кандар, ваше высочество. А у нас есть еще одно дело, и мой долг защитника велит мне предостеречь вас от поспешных... действий.

– Я уже дала вам слово... – недовольно поморщилась Летта.

– Я имею в виду леди Марцелу.

Летта вспыхнула, вскинула голову, придав взгляду холода и надменности.

– Я запрещаю произносить в моем присутствии ее имя!

– Позвольте сказать. Девушка была околдована. У нее нет таких родителей, как у вас, нет такой защиты, какая есть у вас, и нет сил противостоять. Она всего лишь слабый человек.

– Эбигаил тоже всего лишь слабый человек, но она удержалась от искушения. А Марцела... она вела себя оскорбительно!

– Нельзя оскорбить солнце, принцесса. Вы – дочь короля и невеста императора. Вы неизмеримо выше ее.

– Вы собираетесь прочесть мне проповедь, фьер Ирдари?

– Нет. Я прошу вас помнить о том, что леди Марцела – подданная Гардарунта. И о том, что вы взяли ее под свое покровительство.

– Она предала меня.

– Она взяла на себя тот удар, который предназначался вам. Пока леди Марцела отвлекает императора, у вас есть время подготовиться, вывести его слабые стороны и защититься.

Летта возмущенно сверкнула глазами.

– Вы предлагаете мне использовать императорскую... подстилку в качестве шпионки? Это отвратительно, лорд. Низко. Рыцарь никогда не предложил бы такое!

– Я не рыцарь, смею напомнить. Для меня будут хороши все методы, которые помогут выполнить мою задачу. А моя задача – сохранить вашу жизнь и жизнь ваших приближенных дам. Нас здесь слишком мало, а в северных льдах легко поскользнуться. Я предлагаю вам протянуть руку упавшей и вытащить ее, не дать превратить ее в слепое орудие против вас. И тем самым противостоять...

– Моему врагу, – прошептала Летта, сжав кулаки.

– Пока еще не врагу.

– Боюсь, что да, и уже ничего не исправить, никогда, – непримиримо сжались губы принцессы.

– Тогда вам тем более нужно держаться за любую ниточку, даже за такую гнилую, как леди Марцела. Проявите милосердие, ваше высочество. А у меня появится шанс снять с нее приворот, если еще не поздно.

Принцесса задумалась. Не время и не место проявлять гордыню. Ведь в ней говорит не ревность (было бы к кому ревновать!), а всего лишь уязвленное самолюбие. А уж наступать ему на горло Летте не впервой с такими-то старшими сестрами, как у нее. И поворачивать ситуацию в свою пользу. Главное – Яррен ей нужен. И если ему понадобилась зачем-то наглая и бесчестная девица благородных кровей, то не так и велика цена. И Летта не будет выглядеть в глазах принца Игинира вздорной и мстительной гордячкой. Она проявит мудрость, милосердие и достоинство.

– Хорошо, фьер Ирдари. Я попытаюсь.

* * *

Покинув принцессу и, как всегда, забыв отчитаться о планах, вопреки требованию Виолетты, Яррен отправился к выходу из башни, но был перехвачен леди Исабель. Несмотря на первую помощь, оказанную Кандаром, глаза девушек непрерывно слезились – даже приглушенный крупным телом драконьей няньки свет вспышки ослепил их.

– Что это было, фьерр Ирдари? – приложив ладонь к покрасневшим глазам, спросила леди Исабель.

– Эйхо расшалилась, – сказал Яррен, не покривив ни словом.

– А, так это сработала ваша защита от чрезмерного уровня магии?

– Можно и так сказать, – согласился горец. Не обязательно самому лгать там, где рады обманываться без его помощи.

– А договор нашли?

– Нашли. Но, увы, эйхо питается магией.

Исабель опустила руку. Глаза южанки изумленно округлились, а слезинки мгновенно высохли.

– Магический договор... исчез? И что теперь будет?

– Ничего страшного. Если понадобится, затребуем копию из королевской канцелярии Гардарунта. Или из имперской канцелярии. Но пока не вижу необходимости кого-либо беспокоить.

– Вы правы, лорд Ирлари.

– Рад взаимопониманию. Позвольте вас оставить.

Южанка проводила горца задумчивым взглядом.

Так же задумчив был взгляд молчаливого Кандара.

Яррену повезло с напарником – тот не задавал лишних вопросов. Впрочем, младшего лорда и чистокровного риэна проинструктировал на этот счет сам король Роберт, ясно обозначив, что чистота крови и родовитость его интересуют в последнюю очередь.

Флегматичный как тень Кандар и не оспаривал, он спокойно принял лидерство полукровки, но Яррен слишком часто ловил гримасу боли на лице горца и некую потусторонность в глазах, свидетельствующие об общении напарника с духами рода.

Увы, эти шпионы никогда не спят.

В том, что Кандар через духов о каждом их шаге докладывает Совету лордов Белых гор, полукровка не сомневался, но пока это играло ему на руку.

Жаль только, с королем Гардарунта невозможно выйти на связь через этот канал, и на призыв через Робертово кольцо Лэйрин, унаследовавший трон, почему-то не отзывался. Может быть, наследник еще не овладел полной силой огненной магии? Не все же сразу.

С этими мыслями Яррен добрался до часовни Безымянного, лепившейся к гостевому крылу, прошел к алтарной части и поднялся по боковой лесенке в заалтарную часть, где стояли чаны с водой для «неиссякаемых» храмовых чаш.

– Входи, блудный сын, – приветствовал его священник в темно-синем монашеском балахоне с глубоким капюшоном, скрывавшим лицо.

– Вы опять меня с кем-то спутали, фрар*. Я ожидал увидеть здесь своего слугу, а нашел божьего.

* фрар – обращение к монахам Безымянного.

– Все мы божьи слуги, именно служение делает нас братьями вне зависимости от расы и магии. Чудо божие в единении по духу, а не по крови. Разве тебе это не знакомо, ученик вейриэна? Разве ты не веришь в то, что все люди – братья и сестры?

– Гхм... я бы поспорил. Иначе придется признать все браки незаконными и запретить их как кровосмесительные, что приведет к вырождению человечества. Но я пришел сюда не для споров, а за знанием и советом.

– Беглому царевичу понадобился совет ничтожного монаха? Неужели ты меня слушаешь? – фыркнул служитель.

– По меньшей мере прислушаюсь, если услышу. Но сначала мне нужны знания.

– Не хочу тебя обнадеживать. Мне не дозволяется ходить дальше гостевой башни. Разумеется, в целях моей же безопасности. Много ли знает запертый в часовне монах?

– Много, если он – инсей, способный слушать воду. А если вспомнить, что лед – та же вода... то почти всё.

– Тс-с! Тихо! – монах дернулся, нервно оглянулся и еще глубже натянул капюшон. – Невежественный мальчишка, никто не способен слышать льды, они немые! А воду... ласхи не глупцы, они не пользуются естественными источниками в своих домах, а берут только воду, прошедшую обработку и магически отфильтрованную. Если бы ты получил мало-мальское образование в доме своего отца, то знал бы, что талые воды не информативны, а кипяченые – мертвы.

Яррен быстро опустил взгляд, чтобы монах не заметил мелькнувшего в них удивления.

– Прости мое невежество, фрар. Ты – первый инсей, с которым я говорю о тайнах зеленой магии.

– Но и мертвый может заговорить, если верно то, что говорят о темных, – монах похлопал Яррена по плечу.

– То есть, инсей из рода Темных Вод способен слышать измененную воду?

– Да, но не в ее твердом состоянии и не так ясно, как сильный зеленый маг слышит ручьи и реки. Да и любые примеси заглушают язык вод. Вино, отвары и настои мало что скажут даже сыну Темных вод. Но я помогу тебе, чем могу. Что именно тебя интересует, царевич?

– Я – младший лорд Ирдари, фрар, – поправил Яррен. – А интересует меня император Севера. Все, что ты можешь рассказать о нем и его магии. Все сильные и слабые стороны. И особенно – ответ на вопрос: почему он мог возненавидеть девушку, которую видел первый раз в жизни?

– Интересный вопрос. После скандальной помолвки об этом сейчас вся столица шепчется.

– И какие варианты?

– Никаких. Никто точно не знает, что происходило и происходит за дверями спальни императора, но на людях Алэр всегда был вежлив с женщинами. Потому все заметили, что он слишком... пристрастен. Есть лишь предположения, что дело не в девушке, а в самом императоре. Говорят, он сходит с ума. Все-таки триста лет – большой срок даже для мага.

– Есть вероятность, что он потерял мужскую силу, оттого и бесится? Фрейлина, проводившая с ним ночь, осталась девственницей.

– Та юная леди уже не девственница. Он отдал ее своему верному псу и палачу Феранару.

– Что? Когда?

– Час или два назад. И спасти ее уже поздно, сын вод.

Последнюю фразу служитель сказал уже в пустоту – Яррен вихрем унесся из часовни, едва не сорвав двери с петель, с такой силой их створки сгрохотали о стены.

Глава 4. Тайна Алэра

Снежный портал должен был перенести императора в заполярную резиденцию его старшей дочери, теперь уже бывшей леди-протектора. Но уже через пару секунд что-то пошло не так. Алэр, ступив в портал, почувствовал чудовищную боль под левой лопаткой, словно в спину впилась змея и вот-вот прогрызет плоть до ледяного сердца ласха.

В ушах раздался свист, в котором Алэр с трудом разобрал приказ.

И ужаснулся.

Он, считавшийся сильнейшим магом Севера и одним из лучших магов мира Эальр, был пойман, как мышь.

Его враг с легкостью достал императора не где-нибудь, а там, где любой считался в принципе неуловимым – в снежном портале, во время перемещения сквозь ткань мира. В момент, который не смог бы отследить никто, кроме бога.

Как это возможно?

Ослепительная боль лишала разума и сил. Алэр невероятным усилием воли сохранял сознание и то лишь потому, что знал: магия портала, не удерживаемая разумом, убьет его в мгновение ока.

Все, на что осталось сил самого могучего ласха среди живущих – это последовать приказу и перестроить портал по новому пути, куда толкала пульсирующая боль.

Владыка Севера оказался в той самой долине между ледяных скал, где двести лет назад совершил самый гнусный и омерзительный ритуал в своей тогда еще юной жизни.

Ритуал, который дал ему все, что он пожелал, и отнял все остальное.

Там, в мертвой долине, среди нетленных замороженных трупов жертв Алэра, в полуверсте от рубежа Темной страны, на руинах древнего алтаря ласхов, разрушенного и оскверненного его руками, ждал тот, кого император ненавидел даже больше, чем самого себя.

Алэр вывалился из портала кувырк, как безвольная соломенная кукла. Если бы кто-нибудь из его подданных увидел его в этот момент, ничто не спасло бы его корону, да и жизнь.

Но за позорным падением владыки Севера наблюдала лишь пара насмешливых зеленых глаз мужчины в шелковом, не по северному климату, черном плаще. Он сидел на обломке алтаря, закинув ногу на ногу и поигрывая тонкой тростью с рогатым костяным набалдашником. На его узком лице, освещенном звездами и сиявшими в небесах полярными сияниями, играла такая радостная улыбка, как если бы ее обладатель увидел долгожданного, самого дорогого его сердцу гостя.

Алэр еще с минуту лежал перед ним ничком, как презренный раб, борясь с одуряющей болью под левой лопаткой.

– Не слышу твоих приветствий, северянин, – нарушил вечную тишину над красными от крови натающими снегами негромкий и приятный, словно теплый бархат, голос. – Что-то ты сегодня не так вежлив, как в нашу первую встречу. А ведь как ты меня звал тогда, как молил! Забыл? Ну и память у тебя никудышная. Всего-то двести лет прошло.

– Приветствую тебя, Азархарт, – глухо выдавил Алэр.

Упал он неудачно, лицом в чьи-то останки, и перед его глазами белела оторванная и слегка погрызенная кисть тонкой женской руки.

Что ж темные ее не до конца сожрали? – поморщился император. Могли бы и прибрать за собой почище. Хотя, конечно, жертв тут было столько, что даже темные твари пресытились.

В анналах истории та ночь, случившаяся двести лет назад, записана как Трагедия Дихорского Прорыва. И никто не узнает, что путь темным открыл ничтожный младший принц Алэр, в котором и магии-то почти не было. Никто не догадается, с какого ужасающего предательства началось его кровавое восхождение к трону.

С тех пор в Дихорскую долину не вела ни одна тропа, туда не мог открыться ни один портал. Только по личному приглашению темного владыки.

– Не так, раб! – Трость в руках самого жуткого в мире Эальр существа со свистом разорвала воздух и обрушилась на спину лежащего.

– Приветствую тебя, господин! – послушно молвили белые губы императора Севера.

– Встань.

Невидимая змея, поселившаяся на спине Алэра с той проклятой ночи, разжала зубы, и боль отступила.

Ласх с трудом поднялся на четвереньки, но трость снова уперлась в его плечо, в опасной близости от шеи.

– Достаточно. Так и стой, императоришка, пока не доложишь, почему до сих пор не проведен твой брачный ритуал с дочерью Роберта. И причина должна быть очень, очень весомой, Алэррр.

Его имя темный прорычал с такой силой, что где-то неподалеку треснул обломок алтаря и покатались мелкие камешки, а женская кисть перед глазами Алэра дрогнула и пошевелила пальцами.

Но трехсотлетний император уже не тот впечатлительный юнец, его такими кошмаренькими эффектами не напугать.

– Причина проста... господин. У моей невесты глубокий траур по любимому отцу, погибшему десять дней назад. В дни траура у людей не играют свадьбы, а жрецы в храмах не благословляют браки.

– Какая чушь! С каких пор тебя останавливают какие-то глупые традиции ничтожных людишек? Последняя попытка объяснить, северянин, или ты будешь наказан, – Азархарт наклонился вперед, ловко перевернул концом трости женскую кисть, и теперь ее пальцы с незапно отросшими острыми когтями нацелились в глаза Ласха.

Алэр, пользуясь тем, что Темный владыка не видит его лица, превратил кожу в ледяную маску, тонкую, но прочнее стали. Неприятно, конечно, если тебе начнут глаза выцарапывать, но не смертельно и даже не опасно. Вот змея под лопаткой – это гораздо хуже. Но он живет с ней уже двести лет, притерпелся.

– Меня, конечно, вряд ли остановили бы какие-то странные традиции равнинных людей, – торопливо сказал он. – Но за их соблюдением следят два горных мага. Всего два, это тоже не проблема, – еще поспешнее добавил Алэр, и рванувшиеся к нему когти замерли у самых глаз, едва не поцарапав линзы ледяной защиты. – Но магический договор не позволит взять невесту силой, а девка упорствует. Очень набожной оказалась, в отличие от ее старших сестер.

– Ты разучился соблазнять женщин? – удивился темный.

– Дай мне неделю, и я положу ее на свое ложе и выполню наш договор, открою тебе путь во дворец, чтобы ты воспользовался правом первой ночи.

– И правом второй ночи, и третьей ночи, глупый северный наглец. До тех пор, пока дочь Роберта не понесет от меня сына. Я дам тебе неделю. – Трость опустилась и отшвырнула кусок когтистой мертвой плоти от лица Алэра. – Но ты искупишь вину. Ты должен сделать все, чтобы выманить к себе нового короля Гардарунта. Как можно быстрее.

– Принца Лэйрина?

– Уже короля Лэйрина.

Алэр не удержался, вскинул изумленный взгляд: слишком нежно, ласкающе произнес Азархарт имя наследника Роберта. А на лице чудовищного владыки мертвых проступила невероятная улыбка.

Император опустил вспыхнувший взгляд. Темный не должен понять, что выдал себя и дал северянину надежду. И какую! Чудеса случаются, если о них непрерывно молить двести лет.

– Я приглашал его, – покаянно сказал он. – Мальчишка отказался прибыть на свадьбу сестры все из-за того же траура по отцу. И отписал, что не одобрит брак, заключенный во дни скорби. И ребенок, рожденный в таком браке, не получит огненное благословение.

– Вот как? Это точно Лэйрин написал? Разве не его пронырливый советник Таррэ? – показал темный свою потрясающую осведомленность. – Впрочем, меня уже не особо беспокоит это огненное благословение, северянин.

– Тебе уже не нужен дар огня, смешанный с твоей кровью? – как можно равнодушнее поинтересовался Алэр. Мол, какой пустяк, не стоящий внимания.

– Ты же не думаешь, что твой брак с равнинным цыпленком – единственный для меня способ получить то, что нужно? – Азархарт скучающе осмотрел свою правую руку, щелкнул пальцами левой, и его смертоносная трость превратилась в пилочку для ногтей. Ими темный и занялся между делом, пока один из сильнейших и опаснейших владык мира Эальр валялся у него в ногах. – Твоя нежная девочка с фиалковыми глазами – теперь всего лишь запасной ход. Поэтому ты, нарушивший срок нашей сделки, еще жив. И будешь жив и здоров еще неделю. А потом... Уговор, коллега, дороже жизни. Если управишься, получишь от меня бонус – труп твоего любимого сына. И делай с ним что хочешь.

– Рагара? – прошептал Алэр внезапно севшим голосом.

– А у тебя есть еще любимый сын?

– Они все любимые.

– Каков лицемер, шельмец! – Азархарт гулко расхохотался, спрятал пилку в карман и встал с камня, полураскрыв крылья.

Алэр успел заметить, что одно крыло владыки сломано, не говоря уже об их общем потрепанном виде. А крылья мага, видимые или невидимые, – это его сила.

Так вот почему темный призвал царственного раба к ответу не на следующую ночь после прибытия Виолетты, а только сейчас, когда оправился после схватки с Робертом и белогорцами – догадался Алэр.

Вот почему и сейчас темный не обрушил свой гнев на заклеяменного его печатью северного мага. Сейчас Алэр ему не по зубам.

Император едва сдержал ликование.

Но Азархарт все-таки почувствовал. Клеймо под лопаткой снова превратилось в жало, в раскаленный ядовитый наконечник копья.

– Осторожнее, северянин, – Азархарт усмехнулся, а взгляд его нечеловечески ярких зеленых глаз словно пил боль жертвы и наслаждался. – Я еще не повержен. Темная страна все еще здесь, на северной земле, а моя печать еще на твоём теле, еще кормится твоей жаждой, алчностью и страстями. Даже твоей злой радостью в этот миг. Ты мой раб, глупец. Ты мой добровольный раб, что глупо вдвойне. Но это был твой выбор. Я никогда никого не принуждаю.

– Неужели? Ты и Виолетту не будешь принуждать спать с тобой?

– Нет. Это сделаешь ты для меня. Девочка должна сама лечь с тобой, точнее, со мной. Неделя. Помни.

В глазах императора потемнело от острого приступа ненависти, и плевать на раздирающую боль.

Когда ненависть схлынула, Алэр обнаружил, что остался один. Если не считать непогребенных останков людей и ласхов, белыми пятнами устилавших красный снег. Вот уже двести лет лежавших под звездами Севера. Непогребенные. Неотомщенные.

А ведь Азархарт и его князья специально оставили эти ошметки плоти. На долгую память Алэру. Темным ничего не стоит снять купол с проклятого места, и тогда преступление младшего принца Алэра будет явлено миру и доказано.

Сил на портал не осталось: Азархарт, уходя, выпил через печать остатки. Или напомнил, каким слабым был Алэр в их первую встречу. Или это злость и ненависть пережгли черным огнем магические каналы... Император не хотел разбираться с природой магического истощения. Он брел, спотыкаясь о кости, пока не упал. И только тогда обнаружил, что в край его одеяния вцепилась та самая женская кисть, он узнал ее по кривым когтям.

«Ты мерзостная тварь, Азархарт», – подумал северянин, срезав кинжалом край драгоценной ткани. Осторожно подумал, заглушив ненависть. Не из трусости, а из прагматических целей. Как-то надо выбираться из Долины мертвых. Долины его мертвой совести. Долины его грехопадения. Его проклятия.

Двести лет его сердце лежит здесь, среди мерзлых огрызков плоти, среди осколков алтаря. Там, где он в безумном по своей жестокости ритуале призвал Азархарта, добровольно стал его рабом и убил своего единокровного брата, чтобы забрать у него огонь магии ласхов.

И... ничего не получилось.

«Позже, мальчик. Все будет, но позже», – усмехнулся тогда Азархарт в ответ на его разочарование.

Нет, темный сдержал слово: забрал стыд и совесть вместе с живым сердцем и взамен дал свою силу хилому юноше, двадцатому в очереди к трону, помог стремительно сократить путь к короне и стать единственным наследником трона.

Но магии ласхов, необходимой для того, чтобы стать императором, у Алэра не стало больше.

И только потом, спустя двадцать лет, хлынула магия, словно река прорвалась через плотину. Алэр стал полноценным синим магом, и участь отца-императора и северной короны была решена за одну ночь.

После чего в посланиях темного появилось язвительное обращение «коллега».

А еще позже Алэр узнал, что у полукровок редко, но бывает позднее пробуждение магического огня. Позднего, но из-за накопленного потенциала невероятно яркого, – как лесной пожар, долго тлевший в глубине торфяника и вдруг огромным факелом вышедший на поверхность.

То есть, многотысячные жертвы Дихорского Прорыва были напрасными.

Но темный владыка в ответ на истерику еще молодого и глупого ласха только рассмеялся и напомнил, что речь шла лишь о власти, и ее Алэр получил, как и потенциал великого мага. Не сам дар, не искру, которая все-таки божественного происхождения, а тот торф, тот корм, без которого не возгорится пламя.

И невозможно доказать, что честолюбивый северянин оказался обманут. Сам виноват.

Лукавая темная тварь! – скрипнул зубами император и встал с красного снега.

Сила понемногу возвращалась, но портал еще рано открывать. И владыка Севера направил мысли на обдумывание планов мести.

Сегодня он узнал кое-что важное настолько, что в присутствии врага постарался скрыть мелькнувшую мысль от самого себя. Теперь же понемногу, словно вытравливал снасть при ловле рыбы, приотпускал щиты.

Значит, Лэйрин?

Лэйрин. Интересно. Но... Над этой загадкой Алэр будет думать позже, за закрытыми дверями спальни в защищенном всей силой Севера дворце. А не здесь, в резиденции Азархарта, в наполненной смертью и охраняемой тьмой долине, уже не принадлежащей миру живых.

Скорее бы вернуться. Куда он собирался? Проведать земли Полуночи? Потрясти старейшин с их бесконечными заговорами?

Позже.

Нужно возвращаться во дворец. На первом месте сейчас строптивца Виолетта.

Стоило вспомнить хорошенькое, дышащее жизнью личико принцессы, сверкающие негодованием фиалковые глаза, как кулаки императора непроизвольно сжались от бессильной ярости.

Вся двухсотлетняя лютая ненависть к Азархарту, которую Алэр не мог выплеснуть на темного владыку, нашла нового адресата – слабую человеческую девушку, даже без магии.

Император ничего не мог с собой поделать. Стоило ему увидеть гардарунтскую розу, как он представлял их первую ночь. Ее, обнаженную трепетную деву, на императорском ложе и... черноволосого зеленоглазого мужчину, раздвигающего ноги новобрачной и вонзающегося в ее мягкое, нежное, горячее тело. А сам Алэр со змеей на шее вместо рабского ошейника стоит в сторонке и смотрит, как темная тварь имеет его юную жену, и та стонет под древним, но таким охочим до чужих жен зеленоглазым сластолюбцем. И так каждую ночь, пока ненавистная изменщица не понесет темного ребенка.

От одной мысли о таком унижении Алэру хочется убивать.

Смять, изломать и растоптать паршивую гардарунтскую розу.

Если бы не приказ Азархарта жениться на любой из дочерей гнилого, хоть и огненного короля, Алэр бы никогда даже не посмотрел в их сторону. Они все хуже талой грязи под его ногами.

И он терпеть не может розы! И фиалки. Что такое любые человеческие цветочки по сравнению с изысканной красотой ласхинь или с безупречностью вейриэн? Особенно, его Найлы. Божественно прекрасной Найлы.

Как хорошо, что она не видит, каким он стал.

И каким был всегда.

Кроме тех нескольких месяцев счастья, когда он был с ней.

Ашшш... Больно. До сих пор больно так, что и ожившая змеиная печать под лопаткой кажется легким поцелуем.

Алэр встряхнул руками разминая их и рассыпая сверкающие синим снежинки, взобрался на обломок скалы и еще раз с высоты оглядел мертвую долину.

Нехорошо оставлять кости непогребенными. Это как-то уж слишком даже для такого бессердечного отморозка, как Алэр. Да и мертвые пальцы норовят выколупать соринки из глаз вместе с глазами.

Что ж. Раз уж его сюда притащили, как щенка на поводке и жестком ошейнике, то он, пожалуй, нагадит в хозяйские тапки.

Через полчаса сам Азархарт не нашел бы долину мертвых среди ровного, как каток, ледяного плато, выросшего на месте щетки острых ледяных скал. Лишь в самой сердцевине, в небольшом котловане остался разбитый алтарь и кольцо обнаженных как кости скал, пропитанных кровью и тьмой до самого корня. Последнее свидетельство злодеяний Алэра.

* * *

Во дворец Звезды Алэр вернулся только к ночи и сразу позвал верного пса Феранара, бесменного исполнителя теневых замыслов самодержца. Надо было разработать план, как сломать упрямое отродье Роберта – аккуратно, не вызвав гнева Белых гор.

Сам император даже думать не мог над этой проблемой, глаза сразу застила дикая ярость. Вот Феранар пусть и думает, у него по части коварства, жестокости и тайных злодеяний даже Алэр мог бы поучиться.

Каково же было удивление, когда камергер доложил, что императорский палач, тайный советник и левая рука находится в бессознательном состоянии!

– По какой причине? Заболел? Упился в усмерть «корнем солнца»? Или, что совсем невероятно, переусердствовал в постели? Я ему сегодня как раз подарил свою наложницу.

– Не удалось выяснить, ваша многоликость, – поклонился камергер. – Его нашли едва живого в том состоянии, в коем он до сих пор и пребывает.

Камергер отвел дрогнувший взгляд, и Алэр понял, что ему доложено не все.

– Говори! – прорычал он. – Где нашли?

– Мой император... В поганой яме позади кухни. Г-голово.

Владыка Севера не погнушался навестить больного. Идти пришлось в целительские палаты, где императора, разумеется, никто не ждал. Перепуганная сиделка провела полуночного гостя к больному, и Алэр на минуту застыл, в немом изумлении разглядывая распухшее, багровое, местами загипсованное, обмазанное регенерирующими бальзамами, перевязанное полотняными полосами и подвешенное на вихревых «подушках» тело палача.

В воздухе витал тошнотворный запах лекарств, гнили и помоев.

– Почему его лечат в этом теле?

– Он не поддается насильственной смене лица, – прошептала сиделка и подала императору какой-то свиток с записями. – Я разбужу целителя, ваша многоликость.

– Ступай.

Алэр развернул хрустнувшие в его руке листы, попытался разобрать безобразные каракули, но скоро бросил безнадежное занятие.

Лекарь, явившийся через несколько томительных минут, тоже не сказал ничего толкового. Повреждения император видел и сам, как физические, так и магические. Феранар, первый боец на кулаках, любивший эти простонародные забавы, был попросту зверски избит. Множество гематом, несколько переломов и наверняка сотрясение мозга.

– Все заживет, ваша многоликость, внутренние органы не сильно задеты, только... хм... наружные... незначительно... – засуетился дежурный целитель, сухонький и невысокий ласх с тусклыми от усталости глазами. – Но восстанавливаться ваш... кхм... советник будет долго. Пару месяцев. Не знаю, как, но у него словно бы блокирована возможность смены лица. Магические каналы чем-то будто закупорены.

«Словно бы», «будто»... Что за лепет!

Конечно, Алэр найдет безумца, кто это сделал. Но Феранар нужен сейчас! Неделя, что дал ему Азархарт, – слишком малый срок.

– Максимально ускорь регенерацию, – распорядился император. – Доноров привлеки. Сильнейших ласхов. Но снимите блоки. Мой советник должен подняться за три дня.

– Невозможно, мессир! – ужаснулся лекарь.

– Если для тебя это невозможно, зачем ты мне нужен? – процедил Алэр, и лекарь под его тяжелым взглядом захрипел. Сложно дышать замороженными в мгновение ока легкими.

Ласха спасло только то, что у него-то способность к смене лица не блокирована. Целитель колыхнулся в воздухе и осел к ногам Алэра светящимся голубым сугробом с трясущимся от страха ледяным гребнем.

– Выполняй! – велел владыка Севера.

Сугроб озарился краткой вспышкой зримой речи, подтвердил, что приказ будет исполнен.

Алэр уже начал строить портал, не пешком же возвращаться в покои, но его остановил робкий шепот целителя:

– А с трупом девушки что делать, мой император?

– Какой девушки?

– Фрейлины вашей невесты. Сиделка обнаружила ее в лечебнице незадолго до того, как был найден господин советник. Кто принес ее и как умудрился пройти мимо поста охраны,

неизвестно. Сигнал защиты сработал с опозданием. Вместо сигнала вызова, как мы поняли. Мы делали все, что могли, но она всего лишь человек и скончалась от внутреннего кровотечения.

– Она тоже была избита?

– Ее зверски насильовали, ваша многоликость. Но в ней мы обнаружили только... – ласх запнулся, но решительно продолжил, – семя вашего советника Феранара, и на ее коже следы только его магии. Как с его последней женой, мой господин, – в глазах целителя блеснул укоризненный огонек. – Мы отнесли ее на ледник при лечебнице.

Получалась странная картина. Кто-то утащил у палача его жертву, тайком подбросил целителям, вызвал их уже уходя, а потом от души отделал насильника? Кто и зачем? И как сумел справиться с мощью императорского пса, перед которым трепетали даже могущественные старейшины?

– Еще кому-нибудь сегодня требовалась помощь целителей? – спросил Алэр.

Не мог же Феранир позволить избить себя как беспомощного младенца. Значит, есть еще как минимум один пострадавший. Но скорее всего на советника напали группой.

– Нет, ваша многоликость, больше никто не обращался. Так куда труп-то девать?

Алэр хотел было приказать, чтобы покойницу сбросили в могильник для неопознанных людей, но вовремя вспомнил, что леди Марцела была подданной Гардарунтской короны. И придется придумывать, что же с ней случилось и почему.

Жаль, что выманить Лэйрина на такую во всех смыслах дохлую приманку не получится. А вот потрепать нежные нервы принцессы...

Он усмехнулся и потребовал показать несчастную жертву любви палача Феранара. Надо оценить объем работы.

Глава 5. Сладкий лик моноголикого

Сначала Летта с нервной дрожью ждала новых каверз от жениха. Но он отсутствовал на обеде и ужине. Да и наутро его кресло в трапезной пустовало, что не могло не радовать. Сердечко принцессы оживилось как сад по весне.

Она даже начала улыбаться за столом, зная, как украшает улыбка ее бледное, забывшее о солнце личико. И красную рыбу теперь ела безбоязненно, потому что принц Игинир как бы между прочим, в светской беседе, заметил, что в рыбе содержатся вещества, способствующие уму и памяти. Вряд ли удастся быстро поумнеть, чтобы покорить сердце наследника, но никакими средствами пренебрегать не стоило. Летта хотела быть в прекрасных глазах принца самой-самой – красивой, умной, достойной!

И ведь понимала, что за пару недель не наверстаешь, но она очень старалась. Просила у принца книги по истории Северной империи, старательно разбирала рунное письмо, правда, не всегда понимая смысл прочитанного. И тогда появлялся повод, мило краснея, спросить о непонятных ей терминах за трапезой или на прогулке по дворцу – Рамасха взял на себя труд познакомить будущую мачеху с коллекцией редкостей.

Она млела от нежности и восторга, слушая его приятный, глубокий и густой как ночное полярное небо, голос потрясающего тембра, умело играющий модуляциями и полутонами.

О, эти тайные искусства ласхов!

То зримая речь, превращающая тьму небес в захватывающую феерию, в музыку для глаз.

То осязаемый, как прикосновение, полусшепот.

Она томила от пленительного ощущения, словно звуки его голоса как ласкающие пальцы дотрагивались до ее ушей, ланит, уст. Да что там губы, если звук Его голоса трогал ее замирающее от нежности и умирающее от страха сердце. Страх, что кто-нибудь заметит ее чувства, ее смущенный румянец, ее взгляды украдкой, ее томление.

Особенно тяжело было в трапезной, когда принц Игинир в отсутствие императора дипломатично брал на себя обязанности хозяина развлекать беседой отцовскую невесту. Когда сотни чужих глаз ловили каждый их жест, а столько же чутких ушей – каждое слово, чтобы доложить потом грозному северному владыке.

Но младшая принцесса Гардарунта выросла в таком же ядовитом клубке дворцовых гадюк, а как известно, яд, принимаемый годами в мельчайших дозах, уже не способен отравить. Летта умела держать непроницаемое лицо и ловко прикрывать рот бокалом или салфеткой, чтобы придворные умельцы читать по губам не разобрали слов.

Куда свободнее было на прогулках, когда принца и принцессу сопровождали только два телохранителя, ласх и горец, да пара фрейлин, тактично следовавших в пяти шагах за спинами царственных собеседников.

Но на третий день, когда Летта решила, что император смирился с отсрочкой, забыл об «обучении» невесты и занялся важными государственными делами, он неожиданно появился из-за широкой колонны в портретной галерее, где Рамасха рассказывал будущей мачехе историю рода.

Алэр окинул пронзительным взглядом милую парочку, и Летте, окаменевшей от ужаса, показалось, что император уже давно наблюдает за ними. Мало того, он уже обо всем догадался, – такая язвительная усмешка искривила его безупречные губы.

– Вот вы где, мой возлюбленный сын и моя дорогая невеста! – Алэр проигнорировал остальных, склонившихся в поклоне. – Игинир, ты можешь идти. Мне донесли, что ты три дня манкируешь переговорами с послами царицы Темных вод. Это недопустимо. Займись ими немедленно.

Рамасха попрощался с Леттой почтительным кивком и выразительным, полным досады и беспокойства взглядом. Досады! – вздохнула Летта, вполне ее разделявшая. Беспокойства! Значит, она ему не безразлична?

Но принцесса опустила ресницы, и счастливый блеск ее глаз увидел только узорчатый паркет из уникального ледового дерева.

Предательское дерево отразило и хищный взгляд императора, но принцесса в эйфории не обратила на него внимания. В конце концов, ее промашку можно списать на радость встречи с женихом после его трехдневного отсутствия.

Едва наследник исчез в портале вместе со своим телохранителем, император попытался избавиться и от Яррена:

– Любезнейший... как вас там... младший лорд Ирлари. Оставьте нас. Со мной и фрейлинами принцесса в полной безопасности. Займитесь проверкой подарков по случаю помолвки вашей госпожи. Как мне стало известно, они до сих пор даже не распакованы. Вопиющее пренебрежение!

Горец распрямил плечи, но смиренно опустил взгляд.

– Ваше многоликое ледейшество, подарками в данную минуту занимается мой напарник. Вдвоем в такой крохотной комнатухе, где они сложены, нам даже не поместиться. Потому с позволения моей госпожи, я останусь при ней и моих *непосредственных* обязанностях.

– Ашшш... – сорвалось натуральное змеиное шипение с заледеневших от гнева губ государя. Наглец не подчинился его приказу!

Да еще и позволил себе оскорбительные намеки на скупость жениха, забравшего львиную долю подарков в свою сокровищницу! Заметил император и довольно свежие шрамы на костяшках пальцев и скуле Яррена. Но это могли быть следы кабацкой драки, о которой Алэру тоже докладывали, а не избиения его пса Феранара. Да такой молокосос и не справился бы с первым кулачным бойцом северной столицы.

– Я бы хотела сама распоряжаться своей охраной, ваша многоликость, – вздернула подбородок Виолетта, глядя прямо в побелевшие глаза жениха. – Я полностью доверяю вам, но чувствую себя увереннее, когда поблизости те, кого выбрал еще мой отец.

Алэр напомнил себе, что у него осталась даже не неделя, а всего четверо суток, и подавил раздражение.

– Как хочешь, дорогая, – император взял руку невесты и галантно поцеловал кончики пальцев. И почувствовал, как они заледенели в его холодной руке. – Меня радует, что ты послушная и преданная дочь. Значит, станешь такой же послушной и верной женой. Это даже хорошо, что здесь столько беспристрастных свидетелей. Я хотел принести тебе извинения. Я был непозволительно груб и напугал тебя. Но ты сама стала причиной моей несдержанности.

– Я?

– Могу объяснить. – Император, не выпуская руки девушки, повел ее к дальнему выходу из галереи. – Когда я тебя увидел, такую нежную, юную, свежую... Ты так прекрасна и желанна, что каждый час отсрочки нашего брака для меня стал пыткой. Я не привык к отказам, знаешь ли. Я бесился. Злился. Видеть и не иметь. Восхищаться и не обладать. При полном праве на твою близость – страдать от того, что ты так далека... Я сошел с ума, влюбился как мальчишка!

Летту поначалу бил озноб, но с каждым шагом ей – о чудо! – становилось теплее, и даже холодная как у трупа императорская рука начала явственно пылать жаром по мере того, как он говорил, как распался его голос, а каждое слово как будто дышало страстью.

– Прости меня, моя прекрасная Виолетта, мой нежный цветок, – Алэр остановился у белой полупрозрачной двери, покрытой дивными узорами и снова поднес ее руку к губам.

Летта вскрикнула. Кожу обожгло как от прикосновения раскаленного угля! Но он же маг льда и холода! Как такое возможно?

– Прости, принцесса. Я опять позволил вырваться моим чувствам. Совсем чуть-чуть. Хочу, чтобы ты забыла, что наш предстоящий брак – лишь королевская обязанность, а я – навязанный тебе волей отца мужчина. Дай мне второй шанс начать наше знакомство сначала и завоевать твоё сердце, моя прекрасная дама.

Принцесса ошеломленно округлила глаза, и Алэр понял, что даже эта глупышка не съест за один раз столько патоки.

– Ваша многоликость... вы... вы заболели? – пролепетала девушка, сдвинув брови, но её взгляд тут же засветился пониманием, а миленькое личико озарилось улыбкой, которая безумно ей шла. – Ах да... многоликость же!

Летта беспомощно оглянулась на фрейлин, не посмевших следовать за ней, в отличие от Яррена. Полукровка остановился все так же в пяти шагах, нахмуренный, напряженный, готовый к любой неожиданности.

Император перехватил её взгляд на телохранителя и скрипнул зубами.

– Все-таки он?

– О чем вы?

– Он – твой возлюбленный?

– Не оскорбляйте меня, милорд! Вы только что просили прощения, и я еще вас не простила.

– Прости и за это, моя роза, – рвано, с притворным смирением вздохнул Алэр, подумав, как же прав проклятый Азархарт, он действительно разучился соблазнять девушек. Нельзя пугать невинный цветочек столь яростными порывами. – Больше никаких подозрений, никогда.

– Мне нелегко поверить вам.

– Понимаю. Я завоеую твоё доверие.

– А Марцела? Она по-прежнему будет вашей наложницей?

Император сдержал довольную улыбку: принцесса сама заговорила о бывшей фрейлине.

– О, нет! Никаких наложниц! Признаюсь, я её не трогал, лишь хотел подразнить тебя, вызвать твою ревность. Леди приняла отставку и захотела вернуться на родину, к отцу. Я её сразу отпустил, еще три дня назад.

Краем глаза Летта заметила, как дернулся Яррен, отрицательно качнул головой, а его ладони сжались в кулаки. Странное беспокойство охватило принцессу.

Кусая губы, она спросила:

– Когда виконтесса уехала и как? Посол Гардарунта ничего не говорил об её отъезде.

– Ммм... Не интересовался, но узнаю, если нужно, – император махнул рукой, словно речь шла о пустячной безделушке. – Но мне не нравится, что мы говорим о каких-то посторонних вещах.

Летта словно не слышала.

– Человек – не вещь. Верните её, ваша многоликость. Вы ведь можете отправить срочное послание постовым? Вряд ли Марцела добралась до границы за это время. Прошу вас!

– Зачем?

– Я не сержусь на неё. Для леди её статуса будет позором вернуться вот так, словно беглянка, вопреки присяге. Я знаю её отца, он очень суров. Семья её не простит. А я не хочу, чтобы её жизнь оказалась сломана из-за... из-за одной-единственной ошибки.

– Только ради вас, миледи.

С руки императора сорвалась радужная птица, взмыла под своды и взорвалась эффектным фейерверком, распавшись на сотни посланий, стрелами метнувшихся в сторону окон. Через миг все небо за окнами озарилось, словно взошло солнце. Императорское повеление мог прочесть каждый ласх на тысячи верст.

Весь оставшийся день император был необычайно любезен и мил и не расставался с невестой ни на минуту, предупреждая малейшее ее желание, кроме одного: оставить Летту в покое.

Он изменился до неузнаваемости. Исчезли ледяное презрение и брезгливый холод, растаяли морозная надменность и заоблачная высокомерность. Император словно помолодел и выглядел ровесником своему первому наследнику. Он шутил и смеялся, очаровывал и соблазнял, словно невзначай касался шелковых волос невесты, придерживал за локоток при любой возможности, дотрагивался до руки и лобызал тонкие пальчики. Всячески развлекал свою прекрасную даму, читал стихи, дарил блистательные экспромты, осыпал комплиментами, искрил остроумием и сиял влюбленными очами.

Принцесса к вечеру изнемогла от обрушившихся ухаживаний. Если бы она не успела невзлюбить жениха, то непременно возненавидела бы уже к ужину.

Такие перемены пугали даже романтическое сердечко юной девы. Она ни на миг не поверила, что могла вызвать страсть в трехсотлетнем, с десятков раз женатом маге и прожженном интригане, опытном государе, привыкшем казнить более, чем миловать.

Самое ужасное – чем чаще дотрагивался до нее жених, тем приятнее казались его прикосновения. А касался он по любому поводу и без того, – то поддерживал за руку во время прогулки по дворцу, то передавал цветок розы в изумительном по красоте зимнем саду, то собственноручно угощал экзотическими фруктами и сладостями, то поправлял на плечике невесты меховое манто... Он был чудовищно изобретателен!

Проводив невесту до ее покоев, император склонился в поцелуе над ее рукой, коснулся на удивление горячими губами и прошептал, выпрямившись:

– Моя леди, я благодарен судьбе за то, что имею честь быть знакомым с вами, самой изысканной и прекрасной розой Гардарунта. Просите все, что угодно, я выполню любую вашу просьбу, если она в моих силах.

Летта опустила ресницы. «Извольте сдохнуть, ваше мерзлейшество!» – подумала она. И улыбнулась самой робкой улыбкой из своего придворного арсенала:

– Я бы хотела навестить брата и поздравить его с коронацией, ваша многоликость. Как ни прекрасен и велик Север и его владыка, но я так скучаю по родине!

В огромных фиалковых глазах, которые она подняла на жениха, светились только восхищение и надежда.

Целых пять секунд понадобились Алэру, чтобы сдержать вспыхнувшую ярость. Метели его волос взвились, заискрились крохотными гневными молниями. Но он все-таки сдержался, не прибил паршивку на месте и продолжил разыгрывать влюбленного до беспамятства юнца.

– Моя дорогая, я же сказал: все, что в моих силах. Отпустить тебя от себя – выше моих сил. Но я готов сам отвезти тебя в Гардарунт. Сразу после нашей брачной ночи. Ты можешь увидеть родину и брата хоть завтра, если сегодня станешь моей женой.

Рука Летты, зажата между ладоней императора, онемела от внезапного импульса холода. Она перестала ее чувствовать.

– Вы согласны? – Алэр склонился над ней как коршун.

– Простите, я не... не могу. У меня траур!

Алэр разжал ладони, и рука Летты выскользнула и упала, как мертвый заяц из хищных когтей.

– Жаль, – отстранился мужчина. – Но может быть завтра? Подумай, моя желанная леди. Ты можешь увидеть родной дом так скоро... И я не буду торопить тебя с возвращением на Север. Я не зверь, и я понимаю, как тяжело и холодно такому нежному цветку в нашем климате.

Обдав принцессу странно горящим взглядом стылых глаз, император оставил ее наконец в покое.

* * *

Ночь Летта провела как в лихорадке. То приказывала телохранителям и фрейлинам готовиться к бегству и собирать сундуки, то самолично вышвыривала из них платья и сорочки, понимая, что бегство спасет ее, но погубит Гардарунт. И брат... разве он простит, если она не выполнит долг и навлечет на дом беду?

Еще неизвестно, как аукнулась ее родной земле удушающая близость Темной страны, а если невеста сбежит, на порог придет новая война с Империей. И брат – он воспитывался далеко в горах, он почти не знает ни придворных, ни государственных дел. Да и магия... если король Роберт и передал ее, как должен был, то разве за это время Лэйрин смог ею овладеть так, как владеет своей силой проклятый Алэр и его старейшины? Да хотя бы так, как самый распоследний ласх? Он не справится и погибнет.

И что тогда станет с королевством? Превратится в белую пустыню? А что будет с ее выжившими сестрами, с Бет и Бес? Станут императорскими наложницами?

А от нее всего-то требуется стать законной женой. Императрицей.

Да и что такое одна ночь? Да, с мужчиной. Но ведь брачная. С мужем.

Марцела провела с Алэром ночь и ничего, даже девственницей осталась. Может, не все так страшно?

А наутро вернулась Марцела, и Летта поняла – страшно до жути.

***

Принцесса проснулась от грохота: показалось, замок в осаде, и кто-то бьет огромным тараном в стену. Подрагивали стекла в белых рамах, покачивались на цепях светильники с потушенными свечами, сотрясались кисти балдахина. Испуганно вскрикнула леди Эбигайл и зажгла лампу леди Исабель. Фрейлины в эту ночь снова расположились не у себя, а охраняли госпожу. Втроем теплее.

– Что происходит? – Летта приподнялась на локте, пытаясь разглядеть комнату в тусклом свете от жаровни.

В ногах заворочалось что-то тяжелое. Эйхо приподняла голову и зевнула клыкастой пастью.

– Я узнаю, ваше высочество! – леди Исабель накинула шерстяной, отороченный мехом халат и скользнула к двери. Прислушалась.

Грохот стих, слабо донеслись какие-то голоса.

Камер-фрейлина решительно отомкнула замок, толкнула створки и ступила в тьму смежной комнаты, так же слабо подсвеченную жаровнями, как и спальня.

Вернулась она через минуту, бледная и дрожащая.

– Госпожа, вас просит принять младший лорд Яррен. Срочно. Что ему передать?

– Я приму.

Летта, внутренне содрогнувшись, откинула нагретое одеяло. Холод мгновенно обнял и остудил. Эбигайл помогла одеться в домашнее, согретое у печи платье и натянуть мягкие меховые сапожки вместо домашних туфель – нежная принцесса мерзла в этой стране постоянно, невзирая на меха, печи, камины и жаровни.

– Проси, – распорядилась принцесса. – Что там случилось?

– Что-то очень нехорошее, если на обоих горцах лица нет, – прошептала Исабель и снова исчезла за дверью.

Яррен вошел стремительно, а вместе с ним в комнату хлынул свет: маг держал в руке факел, но на конце деревянной палки ровно сияло не рыжее, а ослепительно белое пламя. Эйхо взвизгнула и с головой заползла под одеяло принцессы.

– Ваше высочество, – склонился горец в церемонном поклоне. – У меня была бы хорошая новость, если бы она не была такой плохой

– Говорите.

– Вернулась леди Марцела и просит принять ее и простить.

– И что тут плохого? Я готова ее выслушать.

– Но это не леди Марцела.

Повисла мертвая тишина, пока присутствующие дамы пытались осознать сказанное.

– Как это понимать? – нахмурилась Летта.

– В ней нет души, миледи. Это говорящая кукла.

Леди Исабель хмыкнула и проворчала себе под нос:

– Она всегда такой была.

Горец горько усмехнулся, отрицательно качнув головой:

– Я не иносказательно говорю об отсутствии души. Если бы не проверка магией белого света, которое не причинило леди Марцеле никакого вреда, я был бы уверен, что мы имеем дело с темной магией. Как известно, темные князья способны придавать мертвому видимость живого, полностью им послушного существа. Но леди – не человеческий труп, а... – горец осекся от женского вскрика – маленькая Эбигайл упала в обморок. Так как упала она вполне благополучно, на мягкую софу, бессердечный маг не стал надолго прерываться. – То существо, которое сейчас носит лицо леди Марцелы, никогда не было живым.

– Разве так бывает?

– В Северной империи бывает. Я слышал, что самые могущественные ласхи умеют создавать снежные фантомы. Снегурочек. Они выглядят совсем как люди.

– Они опасны?

– Любая магия опасна, а облеченная в форму человека – особенно. Вы слышали грохот? Это нежная рука леди Марцелы постучала в дверь и разнесла ее в щепу, когда мы не открыли.

Принцесса нахмурилась:

– Император захотел меня обмануть? Подсунуть куклу под видом моей фрейлины? Он считает меня совсем душой?

– Миледи, никто, кроме меня, не определил бы, что в ней нет живой крови. Я вижу такие вещи.

– Но у куклы нет памяти! Как можно принять ее за хорошо знакомую нам леди, даже обладай она похожим как две капли воды лицом?

– Магические зеркала, ваше высочество. Думаю, дело в них. И, конечно, в высоком искусстве мага-создателя. Я был бы восхищен шедевром, если бы он не нес в себе угрозу для вашей жизни. Это незнакомая нам магия, и даже лорд Кандар не заподозрил бы подделку.

– Я не могу не принять ее. Я сама просила императора вернуть леди Марцелу. Что обо мне подумают, если я снова отвергну ее?

Яррен пожал плечами: такая ерунда, как «что обо мне подумают», заботила его меньше всего в жизни. Он задумчиво потер подбородок.

– А если подделку прислал не император, а тот, кто уже не раз покушался на вашу жизнь?

– Я не могу жить в постоянном страхе! Приведите эту, как вы говорите, куклу, я хочу взглянуть на нее. Я приказываю! – дополнила принцесса, видя, что горец не шелохнулся.

* * *

Бывшая фрейлина выглядела так же, как всегда. Может, чуть бледнее, даже веснушки почти исчезли. И еще ее сочные губки, которые Марцела украдкой покусывала для яркости, казались припорошенными белой пудрой. А в остальном – такая же. Взгляд спокойно-ледяной, без малейшего раскаяния, улыбка на грани дерзости. Одежда с плеча северных женщин, но

это и не удивительно: сундук бывшей фрейлины так и стоял в общей спальне, и переодеться ей было не во что.

Если это Марцела. Если она, то и бледность, и равнодушие можно списать на последствия поспешного отъезда, принудительного возвращения и усталости.

Если это оживленная чудесной магией кукла, снегурочка, наподобие снежных баб, которых лепят зимой дети, то она воистину совершенна, а ее создатель – почти бог. Почти, потому что, стоило беглянке открыть рот, как несоответствие стало разительным.

Снегурочка то пищала, то вещала басом, и самое печальное – не знала этикет. Она сделала реверанс, как полагается, но выпрямилась без дозволения. Она обратилась к принцессе, опустив титул, как к простолюдинке.

– Приветствую, Виолетта.

Принцесса не ответила, лишь поморщилась, когда басовитый голос куклы дал петуха. С минуту она в полной тишине рассматривала гостью.

Та стояла, словно чурбан, не проявляя никаких признаков нетерпения. Настоящая Марцела давно бы покраснела под насмешливым взглядом Летты либо от стыда, либо от негодования. А эта... кукла и есть. Даже грудь не вздымается от дыхания.

– Кто ты? – спросила Летта после долгой паузы.

– Марцела. Ваша фрейлина. Бывшая. Я Марцела.

– И чем ты это докажешь?

Тишина. Пустой взгляд бледно-голубых глаз. И снова, размеренно, монотонно:

– Я Марцела. Ваша фрейлина. Бывшая.

Сердце Летты даже биться стало реже, словно оцепенело от сдавившего его ужаса.

– Замолчи! – не выдержала Летта. – Где настоящая Марцела? Где та, чье лицо ты украла? Где она?

Яррен, стоявший за плечом снегурочки, шагнул вперед, чтобы перехватить, если та кинется на принцессу. Но кукла молчала, изредка моргая и тупо глядя перед собой.

– Кто тебя отправил сюда, Марцела? – спросил горец.

Снегурочка рывком, как птица, повернула к нему голову.

– Мой господин отправил. Мой император.

– Что он велел тебе сделать?

Это был рискованный вопрос, но Яррен успел обменяться красноречивыми взглядами и с Кандаром, замершим по другую сторону, и с леди Исабель, тоже магичкой, и был готов к любым сюрпризам. Их не случилось.

– Мой император велел мне просить прощения у принцессы Виолетты и служить ей. Выполнять любой ее приказ.

– Приказываю тебе вернуться к тому, кто тебя послал ко мне, Марцела, – сказала Летта, уловившая главное – чудовищное создание отвечало, только если обратиться к ней по присвоенному имени. – И передай моему жениху: если это очередная шутка, то я не способна ее оценить. Если это очередное испытание, то я не понимаю его цели. Ступай прочь.

Яррен кивком показал Кандару на «снегурочку», тот понял молчаливый приказ и взял на себя сопровождение куклы к выходу из гостевой башни.

Стоило самозванке уйти, Летта приказала фрейлинам придвинуть к ней жаровню поближе. Еще ближе. Почти вплотную.

– Он хочет запугать меня и сломать! – прошептала она. – Зачем? Почему он так торопится?

Фрейлины, переглянувшись, потупили глаза. А трусишка эйхо жалобно заскулила, но из-под одеяла не вышла. Значило ли это, что испытание не закончено?

Принцессу трясло от страха, отвращения и холода, этого вечного холода. Теперь по ночам ей будут сниться мертвые ледяные глаза снегурочки-Марцелы.

В чем бы ни заключался урок императора, Летта сделала главный вывод, наполнивший ее сердце смертным ужасом: если трехсотлетний Алэр достиг таких высот в магии, что способен создать двойников, то что ему помешает запереть ее в ледяном погребке и насилловать, пока не родит, а подданным и послам демонстрировать в это время похожую на нее, счастливую и беззаботную куклу, которая безропотно согласится на брачный обряд хоть завтра?

Так не лучше ли прервать траур и самой выйти замуж, как полагается принцессе ее рода?

Но и тогда – что помешает императору заменить ее на куклу? Ничего и никто!

В жаровне с треском рассыпался уголек, словно подтверждая мысли принцессы.

– Леди, оставьте нас с фьером Ирлари, – встрепнулась она.

– Но госпожа! – вскинулась камер-фрейлина.

Летта свела брови.

– Сейчас не время и не место блюсти этикет так строго, словно это монастырский устав, леди Исабель. Лорд принес мне клятву. Нерушимую магическую клятву. Вы забыли? – сейчас принцесса как никогда походила на своего отца, неистового рыжего быка Роберта, так причудливо отразились в ее глазах огненные огоньки от жаровни и таким непреклонно-стальным стал ее взгляд. Никто бы не заподозрил, что в этот миг гардарундская роза готова завывать от ужаса и безнадежности.

– Как скажете, ваше высочество, – отступила южанка.

Как только их оставили наедине, Летта уже не сдерживалась. Выплеснула и свой страх, и свои жуткие подозрения.

– Что же делать, лорд Яррен? Что мне делать? Какова его цель?

– О целях императора не знает никто. Иногда мне кажется, даже он сам не всегда о них знает. Пока не поздно, нужно бежать, ваше высочество, – Яррен попытался воззвать к разуму испуганной девушки.

– Мой долг...

– Бросьте. Это лишь высокие слова. Ваш долг – остаться живой и здоровой, выйти замуж за достойного мужчину и родить наследника. Уверен: все Белогорье поднимется на защиту Гардарунта и вас, дочери горной леди. Сейчас, после отступления Темной страны и возвращения огненного сердца нашей магии, горы вновь стали сильными. Еще не так, как при Белой королеве, но уж какого-то императоришку мы на место поставим. Все ваши страхи останутся позади, стоит лишь положить вот это кольцо в огонь.

Яррен снял с пальца перстень с огненным рубином и поднял его над жаровней. Камень вспыхнул алой звездой.

Летта не успела ничего ответить: их прервал громкий стук.

– Его многоликость, император Севера Алэр, желает видеть свою невесту, – донесся голос Кандара.

«Демоны Тьмы, опять его мерзлейшество застукал нас наедине!» – досадливо поморщился Яррен и поторопился убрать кольцо и распахнуть двери.

Император, одетый с утра как на парад, в белый, сверкающий излюбленными бриллиантами длинный камзол, вошел, вскинул бровь и очень нехорошо улыбнулся, оценив диспозицию. Девушка, закутанная лишь в домашний халат, смущенная и чем-то напуганная, – уж не его ли несвоевременным визитом? – и ее молодой и красивый телохранитель. Наедине. За закрытыми дверями.

А горец тут же заподозрил, что не все следящие заклинания смог найти и обезвредить.

В случайное явление императора, способного быстро передвигаться снежными порталами, невозможно было поверить. А вот компрометирующие ситуации для шантажа благочестивой невесты древнему интригану совершенно необходимы. И, если их нет, то надо воспользоваться малейшей зацепкой.

– Я вас отвлек, моя дорогая? – с циничным намеком спросил Алэр, не удостоив младшего лорда кивком, словно его тут и нет.

– Нет, ваша многоликость, – принцесса, отлично осознававшая всю опасность для ее репутации, быстро взяла себя в руки, но не могла заставить себя улыбнуться. – Наоборот, ваш визит как нельзя кстати. Я как раз просила фьера Ирлари узнать о срочной аудиенции для меня.

– Настолько срочной, что нельзя подождать и увидаться за завтраком?

– Я его пропущу. У меня нет аппетита. Мне его испортили с утра.

– И кто же посмел?

– Вы, ваша многоликость, – Летта тщательно проконтролировала в голосе пропорции убойной смеси каприза, дерзости и горечи. – Вы отправили ко мне совершенно чудовищное существо с обликом леди Марцеллы, лишь отдаленно похожее на мою бывшую фрейлину. Оно напугало меня до дрожи.

– Чем же?

– Оно походило на говорящий труп! Что случилось с настоящей леди Марцелой? Она жива?

Совершенное лицо императора на миг исказилось гримасой гнева. На долю мига. Что могло так его взбесить?

– Фьер Ирлари, вы свободны, – не поворачиваясь к горцу, бросил владыка Севера. – Пусть кто-нибудь из фрейлин проследит за соблюдением приличий. Понимаю, что свита принцессы непозволительно мала для статуса моей невесты, но вы все-таки не фрейлина.

Яррен не шелохнулся, лишь вопрошающе взглянул на леди.

– Ступайте, лорд, – кивнула Летта.

Дождавшись, когда горец покинет спальню, а на пороге появится леди Исабель, император вспомнил о вопросе Виолетты.

– Разумеется, с леди Марцелой все в порядке, моя дорогая невеста. Что с ней может случиться? Она скоро вернется к вам. Но мне показалось, что мой подарок позабавит вас и скрасит ожидание.

– О нет! Я отправила ее вам обратно.

– Жаль, что вы не оценили. Но у вас еще будет возможность присмотреться и оценить. На свадебной церемонии у вас должно быть достойное сопровождение, а леди Марцела может не успеть вернуться, она забралась уже слишком далеко. Мой подарок ее вполне заменит. Раз вы не захотели принять в свою свиту фрейлин, которых предлагала моя старшая дочь, вас будет сопровождать снежить.

– Снежить?

– Именно так. Созданные ледяной магией мороки. Их называют снегурочками, снежными бабами, ледяницами, вьюжницами. Снежить – еще одно воинство Севера.

– И чем они отличаются от ласхов? Или от эйхо?

– В них нет и не было живой человеческой крови, моя дорогая. Это морок. Послушные орудия. Почти совершенные в своей неуязвимости.

– Потому вы со всей своей снежитью не смогли покорить Белогорье, которое покорилося огненным королям? – Летта гордо вздернула подбородок.

Алэр рассмеялся:

– Моя забавная невеста, не обольщайся, Белые горы не покорились никому, тем более, жалким, самоуверенным, трусливым гордецам Ориэдра... о, прости, это же твои деды. Но должна же ты когда-нибудь узнать правду. Нет, моя дорогая. Белогорье прикрыло Гардарунт своей тенью, чтобы другие соседи не порвали нужное горным лордам королевство, как тряпочку. Уж поверь, если к ним вернется Белая королева, ваше равнинное королевство уже официально станет их провинцией и кормушкой, а королевский дом Ориэдра займет прежнее низкое место, если не будет уничтожен. Даже в Совет кланов не войдет. Горцы мстительны и

никогда ничего не забывают. Но, милая моя, не забивай грязной политикой свою хорошенькую голову. Женщинам политика не идет, она их уродует.

Летта кивнула, ей с детства внушали, что женский ум не создан для высокой дипломатии, да и шепотки о спеси и непозволительном поведении горных лордов доносились до ее ушей, потому ничего нового она не услышала.

– Милорд, прошу простить меня, но я не приму в свою свиту вашу снежить. Мой Безымянный бог и мой духовник этого не одобряют.

– Она понадобится только на время свадьбы, дорогая, – покладисто отступил император. – И то, если не успеет вернуться леди Марцела. А к сегодняшнему вечеру леди вряд ли успеет вернуться.

– К вечеру? – всполошилась принцесса. – Нет! Нет-нет! Я не дала согласие! Только не сегодня!

Император шагнул к ней, взял за руку, поцеловал дрожащие пальчики, заглядывая в перепуганные глаза невесты.

– Сколько экспрессии! Воистину, дочь огненного короля. Я предвкушаю нашу брачную ночь. Ты ведь помнишь мое слово, моя нежная фиалка? Одна ночь, и ты возвращаешься в Гардарунт, и живешь там столько, сколько тебе будет угодно. Блистай в Найреосе, моя звезда, я буду завоевывать твое сердце, где бы ты ни сияла.

– Но... ваша империя.

– У меня прекрасные наследники, справятся. Могу же я немного отдохнуть за последние... много лет.

Летта в изнеможении прикрыла глаза. У нее не было ни сил, ни умения, ни хитрости устоять перед таким напором.

– Пожалуйста, прошу вас... – прошептала принцесса. – Хотя бы еще месяц не торопите меня. Пусть пройдет сорок дней траура для соблюдения приличий.

Алэр сжал ее пальцы так сильно, что Летта вскрикнула. Подул, и она совсем перестала их чувствовать.

– Вы не в Гардарунте, моя прелесть. В моей стране нет такого обычая, а вы, выходя замуж, принимаете мою руку, мою корону, мою страну и мои обычаи. Мы – северяне, мы слишком любим жизнь и дорожим всеми ее радостями и предпочитаем, чтобы усопшие радовались на небесах вместе с нами, а не корили нас за слезы и уныние. У нас девять дней – максимальный срок траура. Они прошли. Свадьба и консуммация могут быть отложены только до совершеннолетия невесты. Но вы совершеннолетняя даже по законам своей страны. Потому я больше не вижу причин для потакания вашему упрямству. Сегодня, Виолетта.

Она заплакала от бессилия. Слезы непрерывными горячими ручейками текли по бледным щечкам. Император дотронулся до ее щеки, и слезинки превратились в белые жемчужинки соленого града. Сняв слезинку, Алэр положил ее на язык.

– Слезы девственницы... Редкий ингредиент для особо ценных магических зелий. Вызывает привыкание.

Шокированная принцесса немедленно прекратила рыдать.

– Так-то лучше, – благосклонно улыбнулся Алэр. – Я не зверь, моя соленая невеста, приносить к консуммации не буду. Это оскорбительно для меня как для мужчины. Так и быть, дам тебе еще время. Но сегодня свадьба состоится, так мне велят звезды и наши древние северные обычаи. Отсюда мы прямиком отправимся к алтарю, раз уж ты отказалась от завтрака.

– Я возненавижу вас! – злым шепотом прошипела загнанная в угол девушка. – Бог мой, как же я вас... возненавижу!

Светлые до белизны глаза мага сверкнули. Ледяной панцирь мгновенно затянул дверной проем, оттеснив наружу ошеломленную фрейлину.

Одновременно невидимые ледяные щупальца сжали груди Летты до боли, залезли под халат и нижнюю сорочку и с силой обвили ее бедра. А особо наглое прижалось к промежности. Летта задохнулась от омерзения и оцепенела, боясь шевельнуться.

– Это не имеет никакого значения, – ровно, словно ничего не произошло, сказал Алэр. – Я раб долга, как и ты, мой нежный цветочек. Чем сильнее ты сопротивляешься, тем хуже для тебя. Все может случиться прямо сейчас, и никто меня не остановит. Я возьму тебя, как берут матросы портовую девку.

Он рывком задрал ее сорочку, обнажив скованные холодом бедра... и недоуменно нахмурился. меховые панталоны – вовсе не то белье, каким соблазняют мужчин. Летта выглядела в них, как пушистый цыпленок. настолько беззащитно, что даже в омертвелой груди бессердечного мерзавца зашевелилось что-то давно забытое.

Не сердце. И не совесть. И не сострадание. Смех. Над самим собой.

– Хм... Ты мерзнешь. Мой лекарь плохо исполняет свои обязанности! – Алэр одернул подол сорочки, закутал девушку в халат и подтащил ее поближе к жаровне. – Ты не дослушала, дорогая невеста. Не обязательно тебе самой стоять сегодня у алтаря. Даже у вас, в равнинном королевстве, есть обычай: когда жених или невеста не могут в силу каких-то причин сами присутствовать на брачной церемонии, то присутствует кто-либо от их имени. Этого достаточно для признания брака.

– Но... вы же говорили, что ритуал магический.

– Разумеется, я же маг. Но это полный ритуал – магический. Сейчас достаточно малого ритуала. А большой мы проведем позже, когда закончится твой траур. Хоть через год. Ну как? Ты согласна?

Летта задумалась. Это был выход. Она хотя бы сможет избавиться сейчас от жениха и сбежать. А то с него станется воплотить угрозу «прямиком к алтарю».

– Но кто согласится на такую подмену? Снежить?

– Не получится, – с грустью признался Алэр. – Снежить – ледяная кукла по сути. А нужна живая замена, настоящая девушка. И к тому же девственница. Иная не сможет надеть венец новобрачной даже понарошку.

Летта поняла намек. Отрицательно мотнула головой и поплотнее запахнула халат, ожидая нового давления. Она уже поняла методы, какими Алэр расшатывал ее оборону. Наказание-передышка-поощрение-наказание. Мерзкий палач!

– Нет! – вскинула она голову, рассыпав по плечам золотистые локоны. – Я не отдам своих фрейлин. Вы уже попользовались одной несчастной, и что с ней? Где она?

– Даже если девушка сама захочет? – вкрадчиво поинтересовался владыка, проигнорировав неудобные вопросы, на которые он уже отвечал, лживо подменив в мыслях одну Марцелу на другую, названную этим же именем. Магия не любит прямой лжи. По счастью, наивные люди об этом нюансе не догадываются, иначе магам пришлось бы выкручиваться более изощренно.

– Даже если! Я имею полное право запретить! – отрезала упрямая принцесса.

Алэр поджал губы, обдумывая дальнейший шаг. Откуда только в ней берется столько сил противостоять его напору? Не каждый старейшина выдерживает давление владыки Севера. А эта пигалица – даже не маг.

– Мне все равно, где вы найдете непорочную деву для замены. Если не отыщется, пойдемь сама. И тогда уже все будет как нужно: и полная церемония, и брачная ночь. Видят льды, я пытаюсь сделать все возможное, чтобы найти компромисс. Но компромисс, моя упрямая невеста, это когда двое делают шаг с двух сторон навстречу друг другу.

«Шаг навстречу? Да я бежала бы от тебя без оглядки! И сбегу!» – подумала принцесса.

– А эйхо же живая? – вдруг вспомнила она. – Она же может заменить меня у алтаря?

Алэр на секунду замер и расхохотался.

- Стыдись, принцесса! Ты перекладывешь ответственность на ребенка! Почти младенца! Увы, эйхо не умеют говорить, она не сможет произнести за тебя клятву.
- «Еще и клятву! И наверняка нерушимую!» – поежилась Летта.
- Хорошо. Я согласна на замену.
- Если сумеешь найти ее до вечера. Если нет – идешь сама.
- Но тогда вы выполняете обещание и отпускаете меня в Гардарунт после первой брачной ночи.
- Слово владыки Севера, – треснуло в усмешке гладкое холеное лицо Алэра.

Глава 6. О подменах

«Только бы принцесса выдержала и не сдалась», – нервничал Яррен.

Ни слова из ее покоев не доносилось до ушей ее свиты, оставшейся в смежной комнате. Несмотря на открытые нараспашку двери. Несмотря на следящие заклинания, поставленные горцами по периметру спальни. Император в очередной раз щелкнул по носу молодых и неопытных магов. И это бесило.

Яррен мысленно воззвал к духам-покровителям рода. Точнее, к одному хитрому и вредному духу, своему пра-прадеду в боги знают каком поколении. Но даже Ирдан не смог пройти невидимыми тропами духов к принцессе и подслушать.

Но все оказалось куда хуже.

Стоило императору покинуть покои невесты, по мановению его руки за окнами дворца разыгралась невиданная снежная буря. Алэр насмешливо бросил, уходя:

– Готовьтесь к брачной церемонии, дамы и господа. Она состоится сегодня вечером. До тех пор никто, ни единая душа, не сможет покинуть дворец. И даже тайные тропы духов вам не помогут, белые маги.

Яррен и Кандар тут же проверили. Действительно, духи не отзывались.

– Силен! – почти с восхищением заметил Кандар.

– Еще бы! – поморщился полукровка. – Он у себя дома. Причем, очень древнего магического дома.

Но проверить, сработает ли кольцо Роберта, стоило.

Не сработало.

И это была самая плохая новость.

Вот если бы выйти из дворца... Но наружные двери из башни перестали открываться. Как и окна. Выйти из гостевого крыла теперь можно было только по внутренним переходам, наполненным стражей. И только по разрешению и приглашению императора.

***

Принцесса безучастно смотрела на алый рубин, светившийся яркой звездочкой среди углей жаровни. Ничего не происходило.

Наследник огненной магии, король и брат Лэйрин, не отзывался.

Переход в Гардарунт не открылся.

Ее жизнь кончена.

С каждым мигмом ожидания рушились последние иллюзии спасения, и ее сердце сковывали ледяные обручи.

Она даже не стала спрашивать у фрейлин, согласится ли кто-нибудь из них заменить ее у алтаря. Язык не поворачивался.

После того, как Летта увидела ледяные глаза существа с лицом Марцеллы, невысказанно еще кого-то отдавать в руки владыки Севера. Это будет убийством. Мучительной казнью. Она понимала, что никуда ее глупая фрейлина не уехала. Император солгал. Марцела мертва.

– Зачем вы согласились на церемонию уже сегодня, ваше высочество? – укорял ее Яррен. – Почему не отложили хотя бы на пару дней?

– Что бы это изменило?

Летта так и не рассказала никому об условии императора. Зачем? Что сможет сделать ее крохотная свита? Если девушки ей верны, они пожертвуют собой ради нее, а жертв принцесса не хотела.

– Каждый день, даже каждый час может дать нам шанс переиграть врага, – младший лорд Ирлари отбросил дипломатические расшаркивания. – Любая отсрочка. Каждый день король Лэйрин обучается огненной магии, усиливает возможности. Уверен, кольцо не отозвалось потому, что король еще не освоился. Слишком много силы на него обрушилось сразу. Это как попасть под водопад – оглушает. Я знаю, что говорю. У меня однажды открылся второй дар и едва меня не убил.

– Поздно теперь говорить, фьер Ирлари. Что сказано, то сказано. Я выйду за него замуж. А завтра он обещал сам отвезти меня в Гардарунт.

– Что?

– Он дал слово владыки.

Но принцесса плохо знала своего телохранителя. Яррен почуял полуправду и мало-помалу вытянул из нее все подробности, пока ее высочество завтракала (император учтиво прислал слуг с кухни, а те принесли подносы с едой для гардарундцев), а горец выискивал ледяные заклинания, втихаря оставленные императором, и скармливал их маленькой эйхо. Здесь же была и снежнодраконья нянька Мара. Пользуясь моментом, она расчесывала длинную и спутанную снежную шерстку воспитанницы.

– Значит, ему нужна у алтаря девственница, – задумался Яррен.

Если бы Алэр предусмотрительно не заблокировал дворцовые выходы в город, невинную деву можно было бы поискать за его пределами. Да хотя бы в ближайшем монастыре Безымянного. С помощью духовника-монаха, тот бы уболтал кого угодно на что угодно. Но чтоб Тьма сожрала этого Алэра, он и это предусмотрел!

– Да, это его условие, – кивнула принцесса. Она не соизволила переодеться – какая теперь разница! – и куталась в тот же шерстяной халат, а ноги прикрыла шубой.

– А фрейлинам вы говорить не хотите, – констатировал полукровка.

– Ни в коем случае! Вот если бы Марцела вернулась живая и невредимая, я бы могла надеяться на то, что мой жених их не обидит.

– Не вернется Марцела, миледи. Ее убили. Не император лично, но с его ведома или даже по приказу это сделал его советник и палач. Уже точно известно.

– Бедная! Пусть ее дух упокоится с миром! – Летта всхлипнула и сотворила у груди священный круг.

Яррен кончиком кинжала вынул из угольков рубиновое кольцо, положил на каменную полку камина, чтобы остыл металл.

– Полагаю, что ход с заменой у алтаря на представительницу невесты понадобился Алэру для того, чтобы вынудить вас уступить. После заключения такого брака никто и ничто не помешает императору консуммировать его уже по-настоящему. Наденьте кольцо короля Роберта, ваше высочество.

– Но оно бесполезно.

– К нему может вернуться сила в любой момент. А мне будет спокойнее, если оно будет у вас. Может быть, оно срабатывает только в минуту смертельной опасности, как последний шанс? У Роберта уже не спросишь... А жаль. Теперь я бы о многом хотел у него спросить.

Летта отодвинула поднос с едой, оставив почти все блюда нетронутыми. Кусок в горло не лез, хотя силы нужны, а в противостоянии вечному холоду они еще нужнее.

– Мара, вы тоже поешьте, – сказала она снежнодраконьей няньке.

– Ох, прекрасная госпожа, благодарю! Спаси Небо вашу невинную душу! Да не голодна я, уже успела сбегать на кухню-то, и поесть, и сплетни послушать. А что у меня о вас выпрашивали, так ни словечка не сказала! – хитро улыбнулась служанка.

– Спасибо, Мара.

– Простите, госпожа, что слушала ваш разговор, да лезу не в свое дело, но правильно ли я поняла, что господину нашему императору нужна в храм вместо вас девица, мужчин не знавшая, а своих вы жалеете?

– Правильно, Мара, – вздохнула принцесса.

– А что делать надо будет?

– Сказать клятву вместо невесты от ее имени. То есть, от моего.

– Всего-то? А нужна только благородных кровей дева?

– Не обязательно, – спешно вмешался Яррен, пока принцесса все не испортила. – Любая подойдет, лишь бы невинной девой была.

– Так, может, я подойду? – смущенно улыбнулась служанка и спрятала крупные натруженные руки под фартук. – Я ведь девица, замуж так и не вышла. Да и кто на меня посмотрит, когда северянки сплошь такие нежные да тонкие, ликом дивные, красоты неписаной? А тут я... вот такая...

– Ты красивая, Мара. По-своему красивая, – сказал полукровка, который никогда не лжет. – Просто у ласхов другие вкусы, и карие глаза они не ценят. А вот у красных магов цены бы тебе не было.

«Ей бы за великана аринта замуж выйти», – подумала принцесса, окинув одобрителем взглядом крепкую, статную, с большой грудью и сильными руками, фигуру снежнодраконьей няньки. С такими руками на медведя ходить. Или за тяжеленными ледяными драконами ухаживать. И лицо у нее грубое, с крупными чертами, словно из белого дерева вырубленное. Зато глаза – большие, карие, теплые, под длинными загнутыми ресницами – и правда очень красивые.

– Я очень тебе благодарна за попытку спасти меня, Мара, – вздохнула принцесса. – Но это для тебя очень опасно, а мне не поможет. Рано или поздно, я вынуждена буду выполнить договор.

– Но... господин Яррен говорил, чем позже, тем лучше для вас, – служанка покраснела и потупилась. – Простите мою дерзость. Я понимаю. Кто я такая? Грязь низкородящая. И вдруг вместо вас, да с императором рядом!

– Нет-нет, Мара, не в том дело. Не в твоём происхождении и статусе. А в том, что для тебя это опасно. Для твоей жизни. Император может разгневаться на тебя.

– Если только в том дело, то меня-то он не тронет! Наша Зи не даст, – Мара с нежностью провела ладонью по приглаженным колючкам эйхо. – А ведь я не только ее воспитала. За последние годы во дворце, почитай, каждый эйхо поначалу из моих рук ел. Нешто они меня в обиду кому дадут? Это только ласхи думают, что у их снежатоков-драконятков память короткая, а они... они просто другие. Но памятливые. И привязчивые. Даже когда вырастают. Это не мы их в семью берем, а они нас. И никаких владык они не признают, только свою семью.

Эйхо, словно соглашаясь, лизнула руки няньки бледно-фиолетовым языком. Подумала, подползла к принцессе и тоже лизнула.

– Если бы это меня спасло от ненавистного брака... – тоскливо прошептала Летта.

Но драконочка положила ей морду на колени, и принцесса перестала чувствовать себя загнанной в ловушку. Ледяной плен никуда не делся, но она здесь не одна.

– Что ж, – с облегчением выдохнул Яррен. – Одну проблему мы почти решили. Теперь нужно придумать, как защитить вас от посягательств императора, ваше высочество. Сбежать за пределы дворца мы не можем, но укрыться в часовне – вполне. Вряд ли Алэр пойдет на такое кощунство, как штурм часовни. Ему такое не спустят его единственные союзники, инсеи. Это чревато разрывом отношений со всеми странами, где есть церкви Безымянного, а если учесть обострившиеся внутренние проблемы в империи, то и переворотом... Уверен, он предпочтет подождать.

– Или уморить нас голодом.

– Осаду мы выдержим без проблем, – усмехнулся полукровка. – Но смею думать, он не будет ссориться с инсеями. Север никогда не воевал с зелеными магами, и не без причины.

– Какой? – заинтересовалась Летта неожиданно для самой себя – ей-то какое дело до магических битв? Ей бы свою жизнь не проиграть в неравном сражении...

– Ласхи могут заморозить воду, но водой она быть не перестанет, а вода – сущность инсеев. Если отозвать воды с Севера, то что останется от владыки льдов и снегов? Да с него и дворца достаточно – он наполовину построен из льда!

Принцесса сделала из услышанного совершенно неожиданный вывод и махнула в сторону окна, за которым выла снежная буря.

– Тогда почему вы это не остановите, лорд Яррен? Не снимете снежный барьер, чтобы мы могли бежать в Гардарунт? Вы же инсей!

Горец смутился.

– Наполовину. Я полукровка, и всех тайн инсейской магии не знаю. Но служитель в часовне наверняка знает больше меня.

На том и порешили: спрятать принцессу в храме, а к императору отправить Мару представительницей невесты.

* * *

Алэр отступил на шаг от своего творения и улыбнулся слегка безумной улыбкой творца, пребывающего в эйфории от самого процесса созидания, когда из-под его рук выходит нечто необыкновенное, волшебное; когда маг чувствует себя воистину демиургом, равным богам-создателям.

Он с любовным трепетом и нежностью провел подушечками пальцев по лицу стоявшей перед ним девушки, и на ее щеках появился легкий румянец. Ее грудь равномерно вздымалась, шевеля упавшую на обнаженный сосок темно-рыжую прядь, рыжие ресницы трепетали, а на алых блестящих губах играла чуть смущенная улыбка.

– Прекрасно! Совершенно, Марцела! – выдохнул император, и от его дыхания на длинных ресницах и гладких щеках девушки осели снежинки.

И не растаяли.

Алэр нахмурился. Осмотрел опочивальню, заваленную обломками льда с женскими очертаниями – неудачные экземпляры, которые он в досаде разбил и не удосужился убрать. Его взгляд упал на столик у ложа с хрустальным флаконом, горевшим рубиновой звездой.

– Время, время... У меня его нет! Особенно, на эксперименты. Если ее раскусили какие-то юнцы с первого взгляда, то мой ненавистный враг тем более поймет... Нет, не пойдет... нужна живая, теплая... А если... Растает или нет? Или попробовать иначе? Через кровь посредника... Хм...

Он осторожно, двумя пальцами взял рубиновый флакон с «Корнем солнца», взболтал, рассыпав по хрустальным стенам рыжевато-алые огненные отблески, и плеснул на дно стоявшего рядом бокала. Поморщился, когда в воздухе поплыл густой медовый запах.

– Выпей, Марцела, – приказал император снегурочке.

– Благодарю, мой император, – снежить присела в реверансе, поднялась и слегка рваным шагом двинулась к столику.

Это были последние шаги в недолгой жизни ледяной куклы. От первого же глотка эликсира она потекла ручейком, и через минуту в луже лежали оплывшие, как весенний сугроб, куски льда и осколки хрусталя.

Алэр брезгливо пнул их. Задумался. Щелкнул пальцами, высекая синие искры.

– Встань, Марцела!

Оплывший сугроб зашевелился, складываясь в обнаженную девичью фигуру с чертами лица леди Марцелы. Жутковатая волшба началась заново.

Алэра успокаивало одно: с каждым разом снегурка выходила совершеннее, живее. Даже подобия Найлы, – а он создавал их сотнями, тысячами, целую армию копий! – у него не получались такими близкими к оригиналу.

А если дать ей попробовать теплую человеческую кровь с растворенной в ней каплей «Корня солнца»? – задумался маг. Такое тепло не растопит ледяную куклу. Не сразу. Зато придаст ей необходимую для сношений эластичность. Остальное дополнят зеркала, магия и морок. А то, что Азархарт в любом случае почует магию, можно списать на последствия брачного ритуала и эликсира для трусливой невесты.

– И не забыть бы заменить тебе мордочку на личико принцессы, – усмехнулся Алэр, похлопав по щеке получившуюся лучше прежней снегурочку. – Плохо только, что матрица получилась с изъяном – оригинал уже не девственница, но у тебя мы эту мелочь поправим, милая Марцела.

– Благодарю, мой император, – с улыбкой обожания отозвалась снежить.

Алэр смахнул с кресла ледяное крошево, сел, задумчиво уперев подбородок в кулак.

– Как же тяжело исправлять ошибки молодости! А ведь я держусь уже не одну сотню лет, не поддаюсь Азархарту, будь он проклят. Темная страна не откусила больше ни пяди от земель империи, не взяла ни души, хотя убила, увы, многих. И кто это оценит, Марцела?

– Я, мой господин! – снегурочка совсем как живая опустилась на колени и, почтительно взяв в ладони присмирившую императорскую косу, поцеловала. Коса вырвалась, взметнулась снежной метелью, и маг с удовлетворением отметил, что на этот раз снежинки не задержались на коже девушки, а потекли влажными дорожками. Впрочем, они быстро остыли, а кукла снова потеряла текучую живость.

– Работать еще и работать, – вздохнул Алэр. – Если ты думаешь, что мне хочется отдавать проклятому Темному мою невесту, то ты ошибаешься. Я еще не совсем зверь. Она ничем не заслужила такой участи. Молчи, Марцела, – оборвал он встрепенувшуюся снегурочку. – Что бы твоя отзеркаленная память тебе ни шептала, не смей говорить мне. Зеркала имеют свойство искажать. А если Виолетта и заслужила, то я еще об этом не знаю, и узнаю не от тебя. В любом случае Азархарту будет слишком жирно получить то, что должен получить я.

– И вы отдадите ему меня вместо нее? – с равнодушием снежной пустыни спросила снегурочка.

– Глупая. Как была, так и осталась дура дурой. Я отдам твое тело, не тебя. Твое ледяное тело. Пусть делает с ним, что хочет. Оно все равно быстро разрушится. Но разве ты – это твое тело? Оно у тебя уже пятое за последние дни, Марцела.

– Шестое. Ты пять раз меня убивал.

– Четыре. Первый раз тебя убил мой палач.

– Но ты знал, что меня ждет! – упрекнула кукла.

– Знал. Но как бы я сделал тебя бессмертной, не убив твое тело, этот несовершенный носитель, за который так сильно цеплялось твое сознание? Это было необходимо. А теперь ты почти совершенна и бессмертна. По крайней мере, до тех пор, пока существуют мои волшебные зеркала. О, если бы я сам убил Найлу, она бы никогда не смогла от меня сбежать! – Алэр с яростью раздавил каблуком осколок хрустального бокала. Но вспышка быстро погасла – император слишком устал. – Я подарил тебе смерть и бессмертие, женщина. Даже если погибнет это тело, я создам для тебя новое и снова наполню его тобой. Или частью тебя. Той, что успел сохранить.

– Это больно.

– Врешь. Тебе уже не больно.

– Я помню *ту* боль. И хотела бы забыть. Но каждый раз она возвращается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.